Evstignieev

Gromoboi, vitiaz' novgorodskii

Moskva

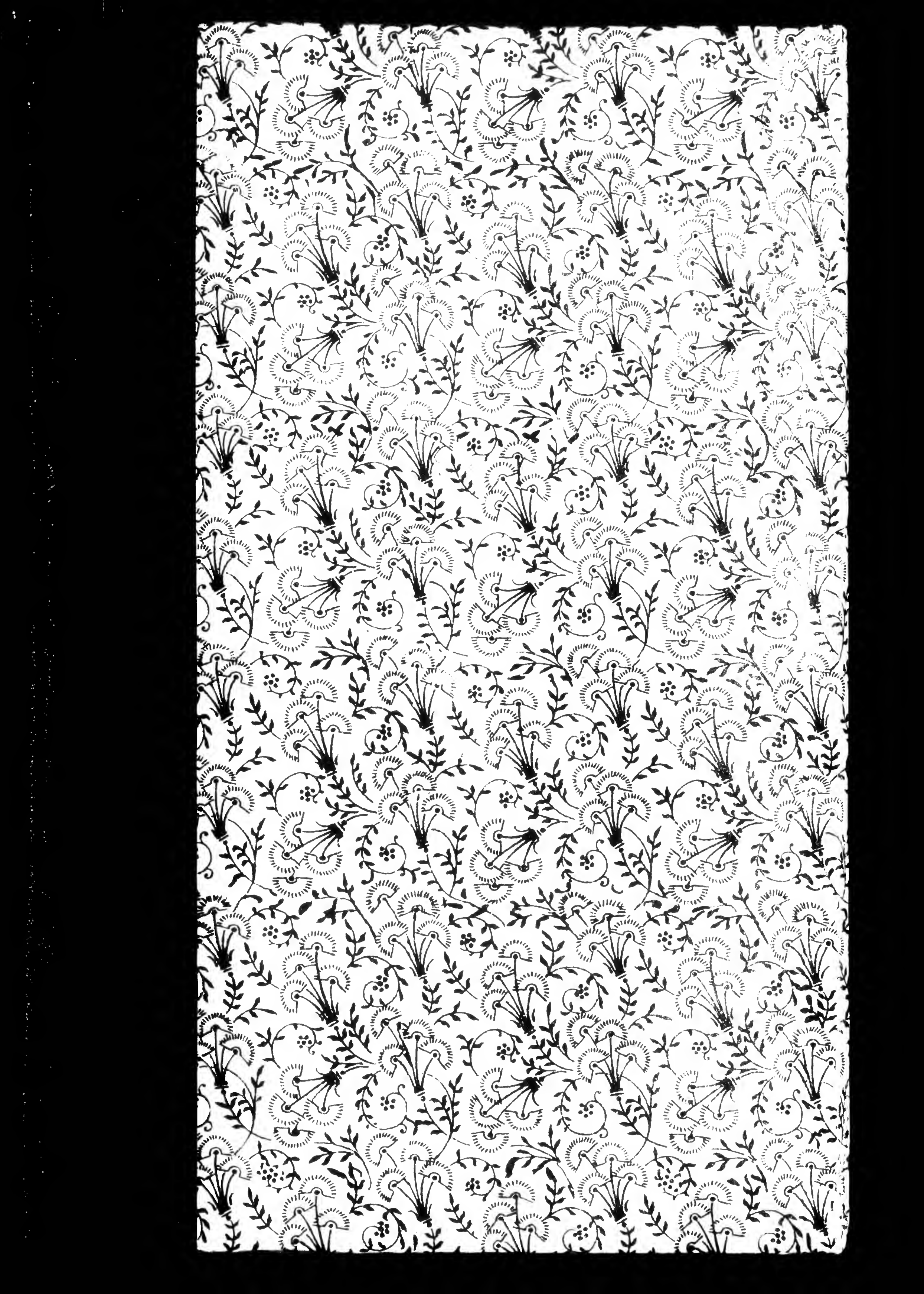
1890

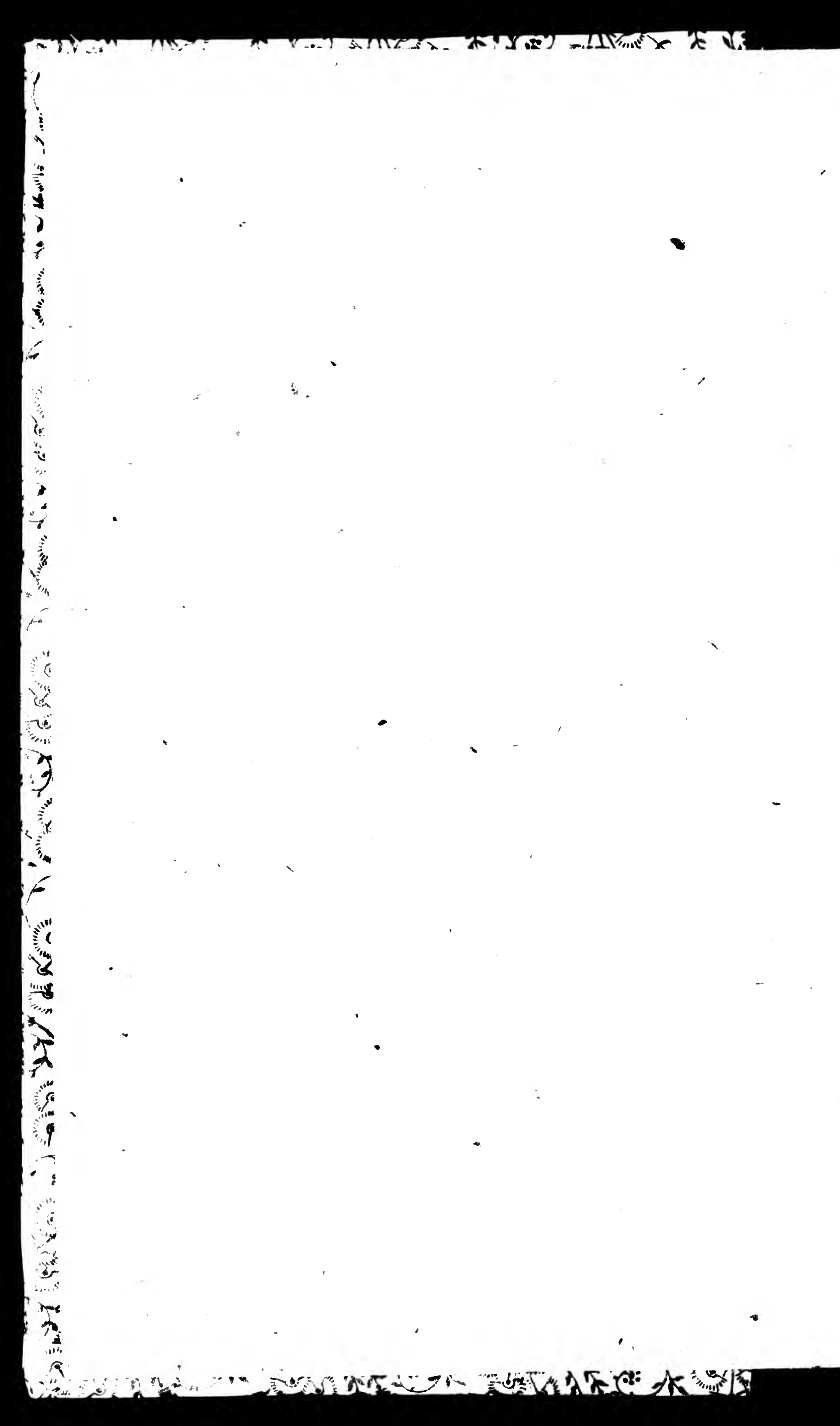
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCI00050.05

Control Number: BGM-1912
OCLC Number : 24859780
Call Number : W 381.5917L Ev791g no. 1
Author : Evstignieev.
Title : Gromoboi, vitiaz' novgorodskii, i sem' morskikh krasavits : starinnoe predanie / soch. Evstignieeva.
Imprint : Moskva : Tip. I.D. Sytina, 1890.
Format : 144 p. : ill. ; 18 cm.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-28-94
Camera Operator: CG

ВИТЯЗЬ

ГРОМОБОЙ

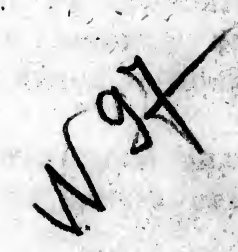
ВИТЯЗЬ НОВГОРОДСКІЙ

И

СЕМЬ МОРСКИХЪ КРАСАВИЦЪ.

СТАРИННОЕ ПРЕДАНІЕ.

Соч. Евстигнѣева.

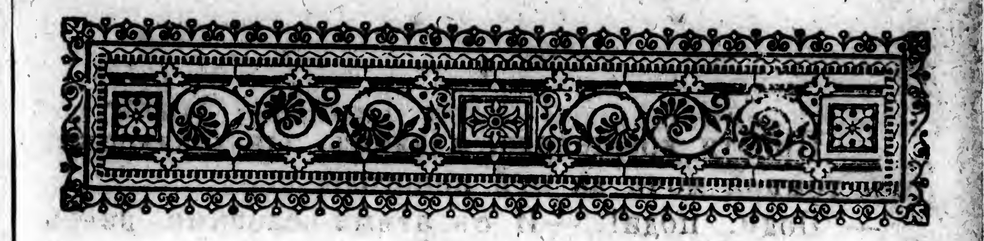

МОСКВА.

Типографія И. Д. Сытина и К°., Валовая ул., собств. домъ.

1890.

Дозволено цензурою. Москва, 31 января 1890 г.

ГЛАВА I.

Два ночлега.—Очаровательный голосъ.— Пустынникъ.

Была темная, дождливая, ненастная ночь, зги не видать. Грязь, топь и слякоть покрывали дорогу, когда въ это время какой-то всадникъ ѣхалъ по этой дорогѣ; лошадь, скользя и спотыкаясь ежеминутно, раскидывала копытами грязь въ стороны. Кругомъ никого не видать, и нигдѣ никакой избушки, ни сторожки. Всадникъ бранился и понукалъ коня.

Но, вотъ, вдалекѣ мелькнулъ огонекъ; всадникъ всмотрѣлся въ свѣтящуюся точку и на всякій случай пришпорилъ лошадь.

Онъ не обманулся. При окраинѣ лѣса, на перекресткѣ, стояла лачуга—ни дать, ни взять избушка на курьихъ ножкахъ. Всадникъ подъѣхалъ и застучалъ такъ крѣпко въ дверь, что избушка закачалась.

— Эй, кто тамъ? Кого тутъ принесла нелегкая?—раздался изнутри голосъ.

— Пріюти крещенаго, хозяинъ, аль хозяюшка, отъ темной ночи да отъ непогоды.

— Поди, поди!..—И съ этими словами дверь отворилась, и старуха впустила незнакомца въ избу, встрѣчая его съ лучиной; старуха была желта, какъ рыжикъ, стара, какъ смертный грѣхъ.

— Здорово, бабушка!.. Спасибо за гостепріимство. Да укажи, родная, куда бы коня моего прибрать?

— Я сама, пожалуй, подъ навѣсъ поставлю,— сказала старуха, изъ уваженія къ богатырю; но тотъ, по указанію, самъ отвелъ лошадь въ указанное мѣсто.

Незнакомецъ былъ молодой новгородскій богатырь Громобой. Шлемъ, кольчуга и доспѣхи сіяли серебромъ и золотомъ. Широкій, длинный мечъ доказывалъ, что не каждому дается сила, чтобы поднять его. Но онъ былъ еще молодъ, такъ что врядъ ли ему было съ чѣмъ-нибудь двадцать лѣтъ.

— А что, бабушка, ты не боишься меня? Ты, кажись, здѣсь одна.

— Чего бояться-то? Взять у меня нечего. Неужели ты—такой молодой богатырь—будешь за мою хлѣбъ-соль зломъ платить?

— Разумѣется. Есть русская пословица: «что есть въ печи, то все на столъ мечи», а пословица во вѣкъ не сломится.

Старуха захлопотала около печки, какъ гостепріимная хозяйка; ей хотѣлось угодить гостю.

Вотъ дѣло поразобралось. Старуха прежде всего

угостила богатыря, чѣмъ Богъ послалъ, потомъ постлала ему постель; тутъ-то богатырь и расположился спать.

Спать ему было сполагоря, потому умаялся—это разъ, а другое дѣло—было нужно встать поранѣе, сдѣлать дѣло погораздѣе; вотъ потому-то и не мудрено, что богатырь всталъ ранѣе раннихъ пѣтуховъ, подточилъ на сѣромъ камнѣ свой булатный мечъ и сказалъ старухѣ-хозяйкѣ:

— Прощай, старушка! Не поминай лихомъ и, на-ко, возьми отъ меня плату.

— Экой мудрецъ! Да мнѣ стыдно брать съ тебя плату. Мнѣ только и удовольствія, что тебѣ дать пользу; вѣдь ты, молодецъ, богатырь, и посейчасъ про тебя толки идутъ, а што опосля скажутъ, только я знаю.

— А ты, развѣ, бабка-угадка?

— Мерекаю малую толику, кормилецъ.

— Ну-ка, скажи, удастся ли мнѣ мое намѣреніе?

— Э, богатырь! Недалеко впередъ узнавай, а на Бога уповай. Не надѣйся на силу богатырскую, на широкій да долгій мечъ, которымъ можешь десятокъ головъ сразу снесть съ могучихъ плечъ, а живи посмирнѣе, дѣло будетъ складнѣе; и противъ тебя найдется сила, которая не одного богатыря съ ногъ сбила,—сказала старушка.

— Такъ что же ты мнѣ предвѣщаешь нехорошое?

— Э, полно пытать меня, молодецъ! Грядущее

видимъ, прочее спознаемъ, а будущаго не добивайся,—замѣтила старушка.

— Ты меня привела въ раздумье,—сказалъ богатырь, смотря на старуху и опираясь на мечъ.

— Нечего раздумывать, молодецъ! Хочешь не хочешь, а туда попадешь, куда не чаешь, то испытаешь, чего сейчасъ не знаешь.

— Ты безтолково говоришь, бабка, я ничего не понимаю.

— Да вотъ какъ хочешь: отъ меня три дороги, по какой хочешь поди, а того не избѣжишь, что тебя ожидаетъ.

— Ну, а что же меня ожидаетъ?

— Если ты такъ пристаешь—скажу, пожалуй. Ты ѣдешь богатырствовать, а тебя ждетъ красавица.

Богатырь пожалъ плечами. Онъ былъ очень молодъ, красивъ, статенъ и силенъ, но еще не зналъ, не вѣдалъ, что существуетъ на свѣтѣ любовь, а потому и на красавицъ смотрѣлъ весьма равнодушно.

— Слыхалъ я что-то такое про другихъ, бабушка, да только не про богатырей новгородскихъ; я не изъ такихъ, чтобы обабиться, да при томъ же, есть ли время богатырю бросать свой мечъ тогда, когда землю русскую то и дѣло разоряютъ иноплеменники, враги.

— Ладно, ладно! Однако, разсуждать некогда: слышишь, какъ ржетъ ретивый конь; отправляйся своимъ путемъ-дорогой.

— А гдѣ мнѣ ближе ѣхать до Кіева?

— Да гдѣ ни поѣзжай, все будетъ ладно; мѣтишь на Кіевъ, а попадешь въ Новгородъ!

Простясь со старушкой, богатырь вышелъ и, вскочивъ на своего коня, помчался по первой попавшейся дорогѣ.

Дорога была широка, долга и гладка; то лѣсъ, то необозримыя степи то и дѣло встрѣчались на пути. Богатырь мчался впередъ и впередъ... Но вотъ наступилъ сумракъ, небо заволоклось тучами и угрожало дождемъ. Холодный вѣтеръ, предвѣстникъ непогоды, началъ пронизывать всадника; на дорогѣ не видать ни жилья, ни людей и, несмотря на хорошо, повидимому, наѣзжанный путь, онъ былъ безлюденъ.

— Что-то будетъ далѣе, а теперь ничего не видать. Плохо будетъ, если придется ночевать на этой дорогѣ или хоть въ лѣсу подъ дождемъ; однако, чѣмъ-то кончится?..—И всадникъ погналъ своего ретиваго, но уже усталаго коня.

Поздній вечеръ и пустынный путь ему надоѣли; проливной дождь то и дѣло угрожалъ всаднику, несмотря на то, что еще ни одной капли не кануло на его серебряную броню.

Но вотъ, наконецъ, къ удовольствію всадника, вдали показался красивый теремъ и притомъ довольно хорошо освѣщенный. «А, подумалъ всадникъ, вотъ мой ночной пріютъ. Здѣсь, навѣрное, пріютятъ славнаго новгородскаго витязя Громобоя». И богатырь шпорами и плетью побуждалъ усталаго

коня впередъ; впрочемъ, кажется, и самъ конь предугадывалъ нетерпѣніе всадника, потому что усилилъ свой бѣгъ.

Наконецъ, всадникъ остановилъ лошадь у большихъ тесовыхъ воротъ и застучалъ.

Стая бѣшеныхъ псовъ откликнулась на этотъ стукъ, и вскорѣ кто-то, подойдя къ воротамъ, спросилъ:

— Кто тамъ?

— Я.

— Кто ты?

— Новгородскій богатырь Громобой! Прошу пріютить меня отъ темной ночи.

— Милости просимъ, добрый богатырь,—былъ отвѣтъ привратника, и скоро всадникъ, гремя кольчугою и доспѣхами, въѣхалъ на дворъ.

Привратникъ принялъ коня и передалъ его конюхамъ, между тѣмъ какъ его повели въ теремъ, и Громобой очутился въ богато-убранной свѣтлицѣ. Дверь отворилась, и его встрѣтилъ сѣдовласый старичокъ, величественнаго роста и благородной осанки.

— Привѣтствую тебя, мой желанный гость, Громобой!—сказалъ старикъ.

— Извини, добрый хозяинъ, что я тебя потревожилъ,—отвѣчалъ съ поклономъ Громобой.

— Нѣтъ, родной!.. Я каждому православному христіанину не отказываю, а тебѣ тѣмъ болѣе: я про тебя слыхалъ не однажды. Ну, скажи, добрый

мой витязь, чего ты хочешь: теплую ли баню, спать ли, или поѣсть хлѣба соли?

— Да, добрый хозяинъ, о банѣ рѣчь впереди, а отъ хлѣба-соли я не отказываюсь, о снѣ и подавно толковать нечего.

Старикъ взялъ богатыря за руку и повелъ въ одну изъ богато-убранныхъ комнатъ. Роскошь стола изумила Громобоя; кушанья, которыя врядъ ли могли видѣть только богатые новгородцы, въ самомъ изящномъ видѣ приготовленныя, стояли на столѣ, и несмотря на то, что домъ этого старика былъ великъ, столъ былъ накрытъ только на два прибора, между тѣмъ какъ слугъ было множество, готовыхъ по одному взгляду исполнить все требуемое.

— Ну, гость, садись,—сказалъ старикъ.

Лишь только Громобой сѣлъ и также сѣлъ гостепріимный старикъ, какъ заиграла музыка, скрытая за стѣною. Музыка была такъ очаровательна, что Громобой боялся ѣсть, чтобы не нарушить дивной гармоніи звуковъ.

Окончивъ пьесу, музыка смолкла, и, вмѣсто нея, очаровательный голосъ запѣлъ:

Я люблю тебя не зная,
Но судьбина моя злая

Жить велитъ на заперти:
Никуда мнѣ не уйти.

Часто я тебя видала
Въ поздній часъ, когда, бывало,

Спать заляжешь и уснешь...
Витязь! Ты ко мнѣ придешь.

Витязь! Помни мое слово.
Я любить тебя готова;

Ты мнѣ, дѣвицѣ, новѣрь,
Какъ тебя люблю теперь.

Ты во снѣ, красавецъ снился,
Если бъ вживѣ ты явился,

Скрылись бы съ тобой,
Витязь молодой.

— Кто это такъ очаровательно поетъ? Экой голосъ—золото!—спросилъ Громобой.

— Да, голосъ богатый, только эта дѣвушка помѣшанная; она бредитъ какимъ-то рыцаремъ-витяземъ и во снѣ и наяву,—говорилъ хозяинъ.

Но голосъ этотъ запалъ глубоко въ сердце Громобоя, и когда загремѣла вторично музыка, то молодой Громобой уже не слыхалъ въ ней той прелести, которой была полна она прежде, когда еще не пѣла чудная незнакомка.

— Какъ должна быть хороша обладательница этого голоса!—думалъ онъ.

По русскому обыкновенію, послѣ ужина ложились спать тотчасъ же, и поэтому богатырю отвели покой съ мягкой постелью, гдѣ онъ расположился спать.

Но сонъ его долго не приходилъ. Очаровательный голосъ еще звучалъ въ его ушахъ и заставлялъ думать о незнакомкѣ, придавая ей необыкновенныя прелести. Наконецъ, онъ заснулъ.

Долго ли онъ спалъ—неизвѣстно; но извѣстно, что всегда спали могучимъ, непробуднымъ сномъ такіе богатыри, къ какимъ принадлежитъ и нашъ богатырь. Вотъ и видитъ во снѣ Громобой, что къ нему подходитъ красавица такой неописанной красоты, о какой онъ не имѣлъ и понятія.

— Здравствуй, богатырь Громобой! Давно, давно я тоскую о тебѣ; я давно знаю тебя и только теперь могу тебя видѣть—и то во снѣ. Прошу тебя, спаси меня, и я буду твоею. Спаси, спаси, спаси меня!—И, сказавъ эти слова, незнакомка пропала.

Пробудился богатырь, тряхнулъ головою и, перекрестясь, сказалъ:

— Куда ночь, туда и сонъ! Мало ли что пригрезится! Сонъ въ сторону, а пора мнѣ, доброму молодцу, собираться въ путь-дороженьку.

Утро чуть брезжило, а богатырь уже былъ на конѣ, и серебряная кольчуга уже сіяла на немъ, а золотой шлемъ кидалъ лучи свои, и легкій утренній вѣтерокъ игралъ пучкомъ соколиныхъ перьевъ, съ кокетствомъ приколотыхъ къ шлему.

Простясь съ гостепріимнымъ хозяиномъ, онъ помчался впередъ, торопясь въ Кіевъ, а въ ушахъ не умолкалъ серебристый голосъ незнакомки, и въ воображеніи мелькалъ ея прекрасный, свѣтлый

ликъ, и сонный бредъ постоянно выражался словами: «спаси меня! спаси меня!»

— Что это значитъ? Неужели это мечта? Нѣтъ, это что-то необыкновенное, — думалъ онъ, понукая своего коня.

Онъ терялся въ догадкахъ и предположеніяхъ; но чѣмъ болѣе вдумывался, тѣмъ болѣе путались его предположенія, и мысль все болѣе и болѣе мучила его воображеніе.

— Да что же это значитъ? Не демонское ли это навожденіе? Сгинь, пропади, нечистая сила!

Но воображеніе его было неумолимо.

Напрасно онъ, желая разбить свою докучливую мысль, обращалъ свое вниманіе на разстилающуюся передъ нимъ степь, или пронизывалъ своимъ орлинымъ взоромъ непроходимую лѣсную чащу; вездѣ и всюду она являлась передъ нимъ, какъ тѣнь, и голосъ, слышанный имъ во снѣ, слышался и сейчасъ: «спаси меня! спаси меня!»

Долго ѣхалъ богатырь, когда усталый и измученный подъѣхалъ онъ къ источнику, чтобы напиться воды и напоить лошадь. Невдалекѣ отъ этого источника стояла хижина или, скорѣе, шалашъ, сдѣланный изъ прутьевъ.

Напоивъ лошадь, Громобой подошелъ къ шалашу, чтобы заглянуть во внутренность, и увидѣлъ, что въ этой палаткѣ сидѣлъ странникъ, одѣтый во все черное; сѣдая борода и волосы на головѣ его говорили о лѣтахъ. Онъ что-то читалъ, что было видно по лежащей предъ нимъ хартіи.

— Здравствуй, Громобой,—сказалъ старикъ, погладивъ себѣ бороду.

— Не во гнѣвъ будь тебѣ, дѣдушка, полюбопытствовать заглянуть къ тебѣ въ избушку; я не думалъ даже, что въ такой глуши живутъ добрые люди.

— Люди живутъ вездѣ, сынъ мой, а тѣмъ болѣе пустынники стараются избирать такую глухую мѣстность, чтобы ничто не мѣшало ихъ уединенію. Мы стараемся болѣе всего бесѣдовать сами съ собою и почерпать мудрость изъ ученія людей великихъ, чѣмъ изъ бесѣдъ съ людьми себѣ подобными.

— И вамъ, пустынникъ, не скучно?

— Нѣтъ, развѣ человѣку можетъ наскучить пища, сынъ мой?

— Нѣтъ, она поддерживаетъ наше тѣло.

— Точно также пища духовная питаетъ душу и никогда не можетъ наскучить тому, кто добивается вѣчной истины.

— Но что же вамъ даетъ наука?

— Наука учитъ познавать природу, а въ природѣ—могущество ея Творца.

— Это для меня мудрено, дѣдушка, — сказалъ Громобой.—Вотъ лучше повѣдай мнѣ: что, ты можешь мнѣ предсказать мое будущее?

Старикъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Грядущее во власти Бога закрыто, сынъ мой, и только нѣкоторые имѣютъ преимущество провидѣть, что впереди. Но тебѣ зачѣмъ нужно это?

— Потому что я не знаю его.

— Нѣтъ... Я въ теченіе моей жизни многимъ предсказалъ ихъ будущее, но къ чему это служитъ, какъ не къ горю? Ты, желая знать будущее, этимъ хочешь узнать, что тебѣ назначилъ впередъ въ удѣлъ Творецъ, Который скрылъ отъ насъ это; поэтому съ твоей стороны есть ли справедливость желать невозможнаго? Предположи себѣ, что ты знаешь будущее,— что будетъ тогда съ тобою? Ты будешь или желать скорѣе прожить время до того, когда тебѣ предсказаніе обѣщаетъ лучшее, или продлить время, когда открытое будущее тебѣ ничего не даетъ, кромѣ горя; дожидаясь хорошаго будущаго, ты съ умысломъ торопишься жить и много времени убьешь безъ пользы; при дурной будущности ты лишенъ всякой отрады, всякой надежды и готовъ скорѣе пресѣчь нить жизни. Довольствуйся тѣмъ, что знаешь, и помни, что долго ли, коротко ли, но всѣ мы должны умереть—вотъ тебѣ и будущее!

— Такъ-то такъ, дѣдушка,—сказалъ Громобой,—но, во всякомъ случаѣ, если ты хочешь отъ меня скрыть то, чего я очень желаю, то объясни мнѣ, что значитъ мой сонъ и что значитъ, что я безпрестанно слышу голосъ: «спаси меня! спаси меня!» И при этомъ Громобой пересказалъ отъ слова до слова всѣ обстоятельства ночлега у богатаго старика и упоительное пѣніе интересной незнакомки.

— О, сынъ мой, бойся этого голоса!

— Но чѣмъ же я могу избавиться, если онъ мнѣ такъ опасенъ?

— Онъ тебѣ сдѣлаетъ много непріятностей; впрочемъ, что за непріятности—цѣлыя несчастія, если ты не примешь мѣры!

— Какія же мѣры, дѣдушка?

— Я тебѣ помогу въ этомъ случаѣ; у меня есть для этого такіе предметы, которые спасутъ тебя.

Старецъ всталъ съ своего мѣста и пошелъ въ уголъ своего шалаша. Въ углу лежало нѣсколько пучковъ травъ. Старецъ выбралъ одинъ изъ пучковъ, пошепталъ надъ нимъ съ минуту, скаталъ изъ пучка вмѣстѣ съ землею нѣсколько травинокъ и, сдѣлавъ небольшой катышекъ, оторваннымъ лоскуткомъ одежды завернулъ его и велѣлъ носить на поясѣ.

Лишь только успѣлъ богатырь навязать себѣ на поясъ этотъ узелокъ, какъ пропало у него все то, что такъ тревожило его воображеніе.

Богатырь поблагодарилъ пустынника и вышелъ изъ его скромной обители; но пустынникъ, провожая его до порога, твердилъ:

— Смотри, сынъ мой, береги этотъ узелокъ, иначе ты можешь погубить свою душу; не забудь и меня впослѣдствіи, я тебя жду.

Богатырь поѣхалъ далѣе.

ГЛАВА II.

Шайка печенѣговъ.—Ночлегъ въ лѣсу.—Волшебная травка.—Возвращеніе.

Не успѣлъ онъ отъѣхать десятка верстъ, какъ увидѣлъ, ѣдущую навстрѣчу, шайку печенѣговъ.

— Не быть добру!—сказалъ самъ себѣ Громобой.—Придется вынуть изъ ноженъ свой булатный мечъ-кладенецъ *).—И, вынувъ мечъ, поѣхалъ смѣло навстрѣчу.

— Эй, русскій богатырь! али любо силами помѣряться, съ нами потѣшиться?—послышалось со стороны печенѣговъ.

— Силою тѣшатся безъ оружія, а силою мѣрятся одинъ на одинъ, а сто на одного не нападаютъ. А впрочемъ, любо отвѣдать булатнаго меча, такъ ступайте всѣ на меня.

Конь Громобоя взвился на дыбы и махнулъ въ нестройную толпу печенѣговъ; мечъ богатыря разилъ направо и налѣво, и печенѣги валились, какъ снопы. Какъ вихрь леталъ Громобой между печенѣговъ; кровь ручьями текла на далекое про-

---

*) Не лишнее замѣтить, что кладенецъ можно производить отъ слова укладъ—названіе стали—а также отъ глагола укладывать, то-есть поражать.

странство. Некогда было подумать даже о стрѣлахъ, да впрочемъ необыкновенное проворство витязя не допускало никакой возможности сопротивляться, отступать и бѣжать съ поля битвы.

Усталъ герой и, не видя впереди себя никого изъ противниковъ, вздохнулъ и вложилъ въ ножны мечъ.

— Ахъ, какъ усталъ! Теперь и десятка не уложишь,—сказалъ про себя Громобой.

Но лишь вымолвилъ онъ это слово, какъ довольно сильный ударъ послѣдовалъ сзади, такъ что Громобой покачнулся.

— Это что такое?—спросилъ онъ и при этомъ обернулся.

— Вотъ тебѣ и што!—сказалъ стоявшій съ мечомъ печенѣгъ, который ударомъ пересѣкъ ему ременный поясъ. Витязь разсердился и тутъ же уложилъ послѣдняго на мѣстѣ. Но этимъ дѣло не кончилось.

Лишь только поясъ свалился съ него, онъ услыхалъ прежнія, восхитительнымъ голосомъ произносимыя слова: «спаси меня, спаси меня!» и прежній прекрасный призракъ незнакомки опять появился предъ нимъ въ болѣе ясныхъ формахъ.

— Опять очаровательное видѣніе, — подумалъ Громобой и невольно схватился за поясъ, но его не было, а съ нимъ вмѣстѣ и охраннаго мѣшечка съ удивительными травами.

Съ досады витязь ударилъ коня нагайкой, и конь помчался, какъ стрѣла, вскорѣ оставивъ за собою на нѣсколько верстъ кровавое поле битвы.

Усталый всадникъ задремалъ въ сѣдлѣ, потому что совершилъ такое побоище; члены его потребовали отдохновенія, кромѣ того, время клонилось къ вечеру, слѣдовательно, нужно было позаботиться найти какой-нибудь пріютъ или, по крайней мѣрѣ, безопасное мѣсто, гдѣ бы онъ могъ сохранить своего товарища, добраго коня, отъ нападенія хищныхъ звѣрей. Но, увы! къ его вящшему удивленію, на дальнее пространство не было видно ни одного жилья; между тѣмъ, погода разыгрывалась. Вѣтеръ страшно стоналъ по лѣсу, деревья качались, скрипѣли, трещали, и, наконецъ, желтые листья цѣлыми облаками валились на землю и устилали дорогу... Но это еще не все: томный голосъ: «спаси меня!» и сейчасъ былъ имъ слышенъ; онъ, кажется, былъ для него громче бури, слышнѣе грома, мучительнѣе пытки.

— Да что же это такое, наконецъ? Вѣдь это тоска! Это мука!—подумалъ про себя Громобой, понукая коня, чтобы онъ скорѣе бѣжалъ впередъ, такъ какъ близость ночи угрожала ему ночлегомъ въ лѣсу.

«Спаси меня! спаси меня!» было единственнымъ отвѣтомъ, между тѣмъ какъ милый образъ прекрасной дѣвушки такъ и рѣялъ предъ его глазами.

Наконецъ, утомленная лошадь начала спотыкаться отъ усталости, пѣна клубила изъ ея рта, точно такъ же паръ столбомъ валилъ отъ тѣла. Жилья было совсѣмъ не видать.

— Нѣтъ!.. видно, приходится ночевать въ лѣсу, — сказалъ Громобой, соскочивъ съ коня и ведя его на луговину, раскинувшуюся по опушкѣ лѣса, близъ дороги.

Разложивъ огонь, онъ привязалъ коня и расположился близъ горѣвшихъ сучьевъ на травѣ, которую онъ накосилъ мечомъ, положа голову на сѣдло вмѣсто изголовья.

Онъ имѣлъ намѣреніе заснуть: того требовало утомленіе тѣла послѣ битвы съ печенѣгами; но неотвязная фраза: «спаси меня», не давала ему покоя, а образъ милой очаровательной особы мелькалъ предъ его глазами.

— Что же это такое, наконецъ? Неужели эта мысль будетъ постоянно меня преслѣдовать? Какъ я глупъ, что не воротился назадъ и опять не попросилъ у благочестиваго пустынника новаго предохранительнаго средства! — вскричалъ онъ, вскочивъ съ своего мѣста.

— Какъ, что такое? — сказалъ тутъ же незнакомецъ чуднаго вида, явившись предъ Громобоемъ. — Ты слишкомъ счастливъ тѣмъ, что лелѣешь эту мечту.

— Кто ты такой, добрый человѣкъ, который предсталъ предъ меня и угадываешь мои мысли?

— Кто я? [illegible] послѣ. Выслушай меня: [illegible] постоянно и [illegible] себѣ называешь, добрый богатырь, весь предметъ твоей любви, твоей радости, — [illegible] воспользоваться

— Неужели эта чудная дѣвушка существуетъ на самомъ дѣлѣ?

— Мало того, она любитъ тебя... Любитъ тебя заглазно и безгранично,—продолжалъ незнакомецъ.

— Но гдѣ же она меня видѣла?

— Нигдѣ и никогда.

— Ты лжешь, почтенный; скажи мнѣ лучше, кто ты самъ и почему знаешь меня и мою тайну?

— Мало ли что я знаю!.. Ты мнѣ вѣрь!

— Пусть такъ, но кто ты самъ?—спросилъ Громобой.

— Ну, что ты, храбрый Громобой, меня пытаешь? Тебѣ бы давно надо догадаться, кто я.

— Колдунъ?

— На то похоже, но это въ сторону. Такъ что же, ты хочешь лишиться такой красавицы, которая была бы въ состояніи украшать собой любой княжій теремъ?

— Чего лишиться! Да я ее и не вижу, только одна мечта преслѣдуетъ меня неотступно.

— Ты можешь овладѣть ею, и призракъ пропадетъ.

— Какимъ образомъ?

— Спроси меня, я помогу тебѣ.

— Да гдѣ же мнѣ, богатырю новгородскому, возиться съ бабами! Мое ли это дѣло? Вотъ моя забава, — и витязь тряхнулъ блестящимъ мечемъ въ воздухѣ и уставилъ его въ землю по рукоять.

— Ха, ха, ха! Богатырю! Хорошо сказано... Да и у курицы сердце есть, а у тебя подъ кольчугою бьется тоже не воробей. Повѣрь, храбрый витязь, только мертвый безъ чувства.

— Кто ищетъ воинской славы, тотъ далекъ отъ красныхъ дѣвушекъ.

— Какъ хочешь, витязь; я не люблю навязывать услугъ, а только скажу тебѣ одно, что если тебѣ буду нуженъ, то вотъ тебѣ эта травка; только поверти ею раза два предъ глазами, и я тогда явлюсь предъ тобою, гдѣ бы ты ни былъ... Прощай, храбрый витязь!—Ироническая улыбка скользнула на его губахъ, и незнакомецъ пропалъ, отдавъ ему волшебную травку.

— Что за диво! Кто онъ такой: разбойникъ, колдунъ или мудрецъ, или, наконецъ, злой духъ?.. Не понимаю..—Такъ разсуждалъ Громобой, закрывшись охабнемъ. Опять завѣтныя слова говорили: «спаси меня», и опять свѣтлый ликъ красавицы терзалъ его воображеніе.

— Ахъ, какъ хороша она! —думалъ Громобой, какъ бы разбирая въ головѣ уже слишкомъ усвоенныя въ памяти черты его знакомой незнакомки. Быть-можетъ и правду сказалъ мнѣ этотъ странный обитатель лѣсовъ, что и у меня сердце не каменное... Вѣдь и у меня въ жилахъ кипитъ горячая кровь. Не мѣшало бы попытать, какъ люди любятъ. Слава воина не уйдетъ отъ меня и послѣ.

Наконецъ, въ пріятныхъ грезахъ о супружеской жизни, богатырь скоро заснулъ, и сонное воображеніе дополнило то, чего недоставало наяву.

Та же красавица представилась ему во снѣ, манила его къ себѣ, умоляла и звала даже по имени. Дивная красота такъ приковывала взоры молодого витязя, что рѣшительно не было возможности оторвать зрѣніе.

Наконецъ, утреннее пѣніе птицъ и ржаніе добраго коня пробудили витязя. Онъ вскочилъ на лошадь, поѣхалъ далѣе, и вслѣдъ за нимъ опять понеслись докучливые обманы слуха и зрѣнія уже въ болѣе развитыхъ размѣрахъ.

Шумъ въ ушахъ отъ постояннаго напѣва: «спаси меня!» измучилъ усталаго всадника; милый ликъ красавицы, постоянно мелькавшій передъ его глазами, чрезвычайно докучалъ ему и мучилъ его.

— Да что же это такое, будетъ ли конецъ этому?—сказалъ онъ самъ себѣ.—Я совершенно потеряю разсудокъ, если только это будетъ продолжаться далѣе. Неужели нѣтъ спасенія?.. Наконецъ, что это за дѣвушка? Что за вліяніе, которому нѣтъ границъ и которое именно почему-то на меня дѣйствуетъ? Что я могу сдѣлать для нея? Какую пользу могу я ей оказать?

А между тѣмъ голосъ попрежнему раздавался: «спаси меня!»

— Не знаю, на что рѣшиться!—подумалъ про

себя Громобой.—А кажется, нѣтъ иного исхода, какъ повернуть назадъ туда, гдѣ въ первый разъ я слышалъ ея прелестный голосъ и страданія. Такъ и быть, дознаюсь и буду спокойнѣе; меня не будетъ мучить совѣсть, если я найду случай и въ самомъ дѣлѣ спасти дѣвушку.

Какъ истинный витязь, Громобой былъ рѣшителенъ. Повернувъ коня, онъ помчался обратно и, вотъ, наконецъ, опять возвратился къ гостепріимному крову богатаго старца.

Онъ былъ впущенъ и опять радушно принятъ хозяиномъ.

— Здравствуй, бояринъ,—сказалъ Громобой, кланяясь.—Прости, что я пріѣхалъ къ тебѣ: меня плѣнило твое радушіе.

— Очень, очень радъ доброму гостю,—сказалъ старикъ,—и надѣюсь, что не будешь обиженъ подъ моимъ кровомъ.

Громобой воспользовался радушіемъ хозяина и потомъ, избравъ болѣе удобное время, сказалъ:

— Я доволенъ, бояринъ, твоимъ радушіемъ, угощеніемъ и по твоей ласкѣ надѣюсь, ты не откажешь мнѣ въ отвѣтѣ на мой вопросъ.

— Изволь, витязь, я надѣюсь, что твой вопросъ не будетъ нескромень, говори.

Бояринъ сѣлъ на приступокъ лежанки и пригласилъ витязя сѣсть съ нимъ рядомъ и сдѣлать вопросъ.

— Нѣсколько времени назадъ, въ первое мое

посѣщеніе тебя, бояринъ, я слышалъ восхитительный голосъ чудной незнакомки, про которую ты мнѣ сказалъ, что это помѣшанная. Не родня ли она тебѣ и не дочь ли?

— Нѣтъ, это не дочь, а дальняя родня. А на что тебѣ?—спросилъ бояринъ, устремивъ на витязя пытливый взоръ.

— Что же она—сѣнная дѣвушка?

— Нѣтъ, далеко не сѣнная, добрый витязь, вѣрнѣе сказать, не знаю, кто она. Да и на что тебѣ, повторяю?

— Эхъ, бояринъ! Покорно прошу тебя сказать мнѣ, кто эта дѣвушка; по тому одному уже имѣю это право, что она мнѣ препятствуетъ въ моемъ намѣреніи, и я ищу случая пресѣчь это препятствіе.

— Да какъ же, витязь, она тебѣ мѣшаетъ? — спросилъ старый бояринъ.

— Очень просто: она мнѣ во снѣ приснилась. Голосъ ея ежеминутно слышу, и красивый ликъ ея, который я ежечасно вижу предъ своими глазами, повсюду не даетъ мнѣ покоя.

Бояринъ улыбнулся и сказалъ:

— Это твое несчастіе, витязь.

— Какъ несчастіе? Я на первыхъ порахъ вижу только одно препятствіе, но несчастія не встрѣчалъ.

— Можетъ быть,—сказалъ бояринъ,—но когда она тебя будетъ ежеминутно преслѣдовать, тогда

она доведетъ до того, что будешь ты не радъ своей жизни.

— Я просто не понимаю ничего.

— А вотъ когда я скажу тебѣ, такъ меня ты поймешь.

— Сдѣлай милость, бояринъ, не томи меня молчаніемъ и повѣдай мнѣ, что это за чудная дѣвушка.

— На сколько я слышалъ, на столько и повѣдаю, а чего не могу сказать, въ томъ не осуди, прекрасный витязь.

— Сдѣлай милость, бояринъ, что ни скажешь мнѣ, все будетъ въ угоду.

— Такъ слушай,—сказалъ бояринъ и, погладивъ густую сѣдую бороду, началъ.

ГЛАВА III.

Исторія очарованія.

— Что буду говорить, то не мои слова, витязь, а разсказъ моихъ стариковъ. Мнѣ и самому лѣтъ не мало, а то, о чемъ съ тобой поведу, слово гладкое и простую рѣчь, дѣло давно минувшее; такъ слушай,—сказалъ старикъ.

Громобой съ любопытствомъ устремилъ вниманіе на него, и старикъ началъ:

— Лѣтъ триста, чуть ли не болѣе, прошло съ того времени, какъ былъ построенъ моимъ прадѣдомъ этотъ домъ. Прадѣдъ мой, или вѣрнѣе пращуръ, былъ такъ богатъ, что могъ бы поспорить богатствомъ съ княземъ кіевскимъ; богатство его навлекло на сосѣдей вражду и зависть, но онъ ничего не боялся и жилъ себѣ спокойно, будучи могучъ и славенъ.

Онъ женился въ очень молодыхъ годахъ, прельстясь красивымъ личикомъ дочери одного богатаго сосѣда. Красивая, стройная, бѣлолицая и чернобровая красавица могла, можетъ быть, прельстить тысячи подобныхъ моему пращуру, и очень не мудрено, что обладать такой красавицей было для него верхомъ счастія. Но, къ несчастію, мой добрый Громобой, она была невыносимо-зла и своевольна, къ тому же до того горда, что не могла выносить никакихъ противорѣчій. Скоро узналъ нравъ своей жены пращуръ, но было поздно, и ему необходимо пришлось самому испытать тяжелый своенравный характеръ любимой супруги.

Напрасно мой пращуръ принималъ мѣры кротости и убѣжденія,—на нея онѣ не дѣйствовали; угрозы и брань—ожесточали; дошло до того, что пращуръ сталъ къ ней холоднѣе съ каждымъ днемъ, и, наконецъ, удалился однажды на цѣлыхъ четыре мѣсяца въ Кіевъ, чтобы позабыть тоску-кручину, которая снѣдала его.

Въ это время его супруга была беременна, и еще болѣе прибавилось въ ней раздражительности, потому что она не терпѣла дѣтей, точно такъ же, какъ не любила кошекъ, собакъ и другихъ животныхъ.

Въ отсутствіе моего пращура боярыня родила дѣвочку прехорошенькую и преполненькую. Лишь только она услышала первый плачъ, какъ тотчасъ же приказала одной изъ преданныхъ ей служительницъ бросить ребенка въ рѣку или умертвить какимъ-нибудь образомъ. Служанка должна была исполнить это приказаніе, подъ опасеніемъ позорной смертной казни.

Но преданная служительница была женщина и мать, имѣвшая дѣтей; жаль ей было погубить крещеную душу, жаль посягнуть на жизнь неповиннаго младенца, и она отдала маленькую красавицу въ семью одного добраго поселянина, а сама, замаравъ въ крови барашка, рубашку младенца принесла къ жестокой боярынѣ, какъ доказательство гнуснаго поступка, и сказала:

— Хотѣла я, боярыня, въ рѣку бросить, да мнѣ пастухъ помѣшалъ, такъ я его въ лѣсу убила.

— Ну, вотъ и ладно!.. Смотри, никому не говори, а какъ пріѣдетъ мужъ, такъ ты скажи, что дитя родилось мертвымъ и схоронено.

— Слушаю, боярыня!

Всѣмъ домашнимъ строго запрещено было говорить правду, и вотъ пріѣхавшій бояринъ уз-

нахъ отъ жены своей о постигшемъ его первенца несчастіи.

Поплакалъ бояринъ, потужилъ, но дѣлать было нечего: съ того свѣта нѣтъ возврата.

Прошелъ годъ, если не слишкомъ.

Однажды, прогуливаясь верхомъ по своимъ владѣніямъ, онѣ заѣхалъ въ одну деревню и подъ окномъ попросилъ напиться бражки.

Чисто одѣтая крестьянка удовлетворила желанію боярина, въ то же время держа на рукахъ прехорошенькое дитя.

— Ахъ, какой прекрасный ребенокъ!—сказалъ бояринъ.—Много у тебя дѣтей?

— Четверо, бояринъ; только этотъ не мой.

— Чей же это? Пріемышъ?

— Да, родной! Мы сами не знаемъ, откуда намъ доставила Любаша, твоей милости ключница, и велѣла его беречь.

Бояринъ, поблагодаривъ крестьянку, возвратился домой, размышляя о томъ, зачѣмъ было Любашѣ отдавать своихъ дѣтей, когда она въ силахъ сама ихъ воспитывать; притомъ было ясно, что младенецъ не ей принадлежитъ.

Смутное подозрѣніе зародилось въ его головѣ, и грусть сдавила сердце.

— Ужъ не женино ли это дитя? — подумалъ онъ.—Она не разъ мнѣ говорила, что терпѣть не можетъ дѣтей.

Мысли кипѣли въ его головѣ, и въ такихъ

мысляхъ онъ подскакалъ къ красному крыльцу своего терема.

Не успѣвъ соскочить съ коня, онъ тотчасъ потребовалъ къ себѣ Любашу; та явилась.

— Скажи, Любаша, правда ли говорятъ, что дочь моя умерла?

— Правда, бояринъ.

— Чье же дитя ты принесла на воспитаніе къ крестьянину?

Вѣрная служанка не умѣла врать и, поблѣднѣвъ, невнятно пробормотала:

— Свое, бояринъ.

— Нѣтъ. Я знаю, что дитя твоимъ быть не можетъ. Говори откровенно, или я заставлю тебя говорить правду по-своему.

— Сказала бы я тебѣ, бояринъ, да великую клятву приняла на душу.

— Я снимаю ее на себя и, мало того, награжу тебя, если скажешь, какъ нужно.

— Это дитя твое, бояринъ... Мнѣ твоя супруга приказала погубить его, но я не посмѣла принять на себя такой тяжелый грѣхъ, а потому занеѣдомо его и отправила на житье въ крестьянствѣ.

— Ну, спасибо тебѣ,—сказалъ бояринъ,—теперь проси у меня, что хочешь,—все тебѣ дамъ.

— Только одного прошу, бояринъ: не говори, что я сказала тебѣ, никому до моей смерти.

— Ладно! Будь по-твоему, никому не скажу.

Бояринъ, мой прадѣдъ, или, вѣрнѣе сказать,

пращуръ, принялъ свои мѣры, начиная съ того, что дѣвочку отдалъ въ одну изъ дальнихъ вотчинъ на попеченіе одной добродѣтельной женщинѣ, за щедрую плату, съ тѣмъ, чтобы женщина эта берегла ее, какъ глазъ, и не помыкала ей, какъ равной себѣ, и никогда не подавала бы повода къ тому, что она чужая.

Дѣвочка воспитывалась какъ слѣдуетъ и такъ тайно отъ всѣхъ, что въ теченіе пятнадцати лѣтъ никто не могъ узнать, кто она, и до злой боярыни не доходило никакого слуха о ея существованіи. Самъ бояринъ успокоился тѣмъ, что у него есть дочь, законная наслѣдница его имѣнія, не скучалъ, какъ прежде; а боярыня, зная, что ея вѣрная служительница убила дочь, ласкала Любашу, какъ ласкалъ и вспомоществовалъ этой бѣдной женщинѣ самъ бояринъ.

Боярыня чрезвычайно гордилась своею красотою, хотя ей было около сорока лѣтъ, и она уже увядала. Казалось бы, тѣмъ дѣло и кончилось, но вотъ, наконецъ, открылся случай, съ которымъ рушилось все благое намѣреніе боярина и довело до дурного конца.

Однажды моя прабабушка пошла прогуливаться въ лѣсъ за грибами; она съ толпою прислужницъ ушла далеко, такъ что совершенно сбилась съ пути. Прислуга также, не измѣривъ разстоянія, спуталась. Между тѣмъ солнце скрылось, и вотъ боярыня измѣнила обратный путь въ сторону, почти противоположную тому, откуда шла

она; прислужницы, слѣдуя за нею, также сбились съ пути.

Послѣ того произошла общая суматоха: боярыня сердилась за то, что ею не руководили въ пути; прислужницы, или холопки, оправдывались тѣмъ, что, слѣдя за боярыней, онѣ не имѣли права уклониться въ сторону или предупредить ее, такъ какъ лѣсъ былъ непроходимый, и каждый шагъ впередъ былъ запечатлѣнъ изстари различнаго рода суевѣрными взглядами.

Долго шла досадная ссора, общая между всѣми. Лѣсъ гудѣлъ отъ бабьяго рева; наконецъ, вѣтви ближнихъ кустовъ раздвинулись, и сѣдовласый старецъ вышелъ навстрѣчу.

— Что тутъ за ссора, скажите мнѣ, дѣти мои? Я имѣю право такъ называть васъ всѣхъ безъ различія по возрасту, такъ объясните же, въ чемъ дѣло?

— Мы заблудились, дѣдушка! Не знаемъ, какъ добраться домой!—кричали всѣ.

— Я боярыня!.. Я не знаю, какъ воротиться домой по милости моихъ служанокъ,—сказала боярыня, держа коробъ, наполненный грибами, въ который, разумѣется, подкладывали холопки невзначай, стараясь внушить, что она собрала грибовъ очень много.

— А! если ты боярыня, такъ милости прошу ко мнѣ, въ мой убогій шалашъ,—сказалъ старецъ.

— Мнѣ некогда!.. Мнѣ нужно домой.

— Такъ ступай!

— Укажи дорогу.

— Я не знаю дороги къ твоему дому.

— Куда же ты знаешь?

— Къ вѣчной жизни, къ небесамъ,—таковъ былъ отвѣтъ старца.

— Намъ нужна дорога домой, а я не знаю другой дороги, да и не нужно.

— Нѣтъ, тебѣ нужно знать дорогу къ небу... И я знаю, какъ трудна она тебѣ.—Старикъ смолкъ.

Цѣлая толпа, человѣкъ изъ пятидесяти, стояла, ожидая указанія; монахъ или простой отшельникъ молчалъ; вѣтеръ или буря выла въ лѣсу. Наступилъ вечеръ. Сборщицамъ грибовъ приходилось плохо; если не выйти къ ночи, то пришлось бы ночевать въ лѣсу.

Боярыня пошла въ шалашъ къ древнему старцу, и вслѣдъ за нею старецъ пригласилъ всѣхъ прочихъ спутницъ.

— Я выведу тебя изъ лѣсу, боярыня!.. Но я тебѣ допрежде того скажу: пожалуйста, не чинись, не гордись красотою своею: подъ старость, есть и покраше тебя.

— Слуги, выйдете изъ шалаша,—приказала боярыня.

Служительницы вышли за загородь и тутъ остановились молча.

— Ну, вотъ теперь говори, старче.

— Вотъ и скажу теперь: ты возносишься нѣпо-

тою *), никого супротивъ себя, боярыня, краше не считаешь, а того не знаешь, что есть дѣвушка лучше и краше тебя.

— Кто такая?—спросила боярыня назойливо.

— Да, есть...—отвѣчалъ старикъ, вздохнувъ.

— Кто же, почтенный старецъ?

— Ну, нѣтъ! Ты поклянись, боярыня, что ей вреда не причинишь, тогда я и скажу тебѣ.

— Клянусь!

— Клятвы своей не измѣнишь?

— Нѣтъ.

— Такъ помни. Клятва вообще мученье. Измѣнить ей—великій грѣхъ. Но ежели ты поклялась, такъ стало-быть тому. Есть тебя краше...

— Кто?

— Дочь твоя.

— Какая дочь?

— Которую ты приказала убить.

— Развѣ она жива?

— Вѣстимо, Божье милосердіе не посмѣется надъ несчастною, лишенною ласкъ родительскихъ.

Боярыня, обратясь къ старцу и предложивъ ему кошелекъ съ деньгами, сказала ласковымъ голосомъ:

— Благочестивый старецъ! Ежели ты правду говоришь, такъ и не обрати во грѣхъ и во гнѣвъ вопросъ мой. Она жива и здорова и счастлива?

— Да, боярыня, она жива и здорова, а о сча-

---

*) Лѣпота—красота.

стіи ея пока нѣтъ выраженія, потому что счастье—это такое пустое слово, которое никуда не лѣпится: одинъ счастливъ тѣмъ, что богатъ, а другой этимъ недоволенъ, всѣ живутъ по-своему. Послѣ этого скажи мнѣ, боярыня-сударыня, кто въ вашемъ домѣ счастливѣе всѣхъ, съ тысячами или безъ тысячей?

— Всякому свое счастье.

— Да, и чрезъ золото слезы льются,—сказалъ старикъ.—Ты думаешь, ты счастлива? Нѣтъ!

— А почему такъ?

— Пятнадцать лѣтъ назадъ ты была счастлива, потому что ты посягнула на жизнь дочери; а съ этого часу ты станешь опять несчастлива, потому что будешь искать случая погубить дочь, чтобы не имѣть соперницы и въ дочери. Вотъ въ чемъ твое несчастіе. Твое счастіе въ несчастіи другихъ.

Боярыня вспыхнула съ досады.

— Врешь ты, старикъ! Впрочемъ, если ты мнѣ хочешь доказать, что ты не обманываешь меня, а говоришь правду, скажи, гдѣ мнѣ найти мою дочь?

Старикъ улыбнулся и сказалъ:

— Я знаю твои мысли, боярыня. Ты можешь ее найти, спроси у твоей служанки и мужа: они тебя увѣдомятъ.

— Спасибо, старичокъ.

Боярыня хотѣла дать ему нѣсколько монетъ, но старецъ отвелъ ея руку съ подаяніемъ, сказавъ:

— Нѣтъ, мнѣ не нужно подаянія изъ твоихъ рукъ, обагрённыхъ кровью и злодѣйствомъ.

Боярыня вспыхнула, но удержалась отъ выраженія негодованія и спросила:

— Скажи мнѣ, дерзкій старикъ, куда идти намъ отсюда, чтобы не заблудиться?

Старикъ вышелъ и указалъ направленіе, по которому слѣдовало идти.

Скоро всѣ возвратились домой.

Все сказанное старикомъ сильно занимало боярыню. Ненависть кипѣла въ ея душѣ, какъ горячая вода въ котлѣ: ей страхъ какъ хотѣлось видѣть дочь и погубить ее. Старецъ сказалъ правду.

Улучивъ время, боярыня сказала мужу:

— Знаешь ли, что я узнала: дочь моя жива, но я не знаю, какъ могло случиться, что мнѣ сказали, будто дочь моя умерла. Вѣдь я не видала ея. Мнѣ, какъ матери, хотѣлось бы обнять ее.

Бояринъ смолчалъ; онъ не могъ ничего ни возражать, ни увѣрять въ справедливости ея словъ, и сомнительно покачалъ головою.

— Ахъ, какъ мнѣ было бы пріятно видѣть свою родную дочь! Да что же ты молчишь?—сказала она мужу.

— Злодѣямъ всегда нужно много; ихъ не удовлетворишь ничѣмъ... Меня не было... Нужно спросить повитуху.

— Она давно умерла,—отвѣчала боярыня.

— Да отъ кого ты узнала про это?

— Отъ колдуна въ лѣсу.

— Эти люди врутъ: имъ вѣрить нельзя. Кому я дѣлалъ зло, чтобы мнѣ причиняли такую горесть? Не вѣрь имъ.

Боярыня притворилась разстроенною и показывала видъ, что ей смерть какъ хотѣлось видѣть свою дочь. Бояринъ, зная злое сердце своей супруги, не могъ не думать, что это все со стороны жены былъ обманъ; прошла недѣля—тоска боярыни продолжалась. Бояринъ въ самомъ дѣлѣ начиналъ думать, что его жена тоскуетъ, внутренно сознавая свой злой поступокъ, и нѣжными заботами и любовью, можетъ быть, желаетъ оправдать себя передъ Богомъ; но тоска эта происходила отъ досады, которая ее съѣдала, и вотъ бояринъ однажды, подъ предлогомъ охоты, отправился къ своей дочери и, привезя ее, назначилъ въ число сѣнныхъ дѣвушекъ, сказавъ женѣ:

— Вотъ тебѣ для увеличенія числа слугъ я нашелъ какую хорошенькую!

Боярыня потребовала къ себѣ новую служанку и, взглянувъ на нее, коварно улыбнулась.

— Славная дѣвушка!—сказала она, но сердце ея сказало уже, что это ея дочь.

Нужно замѣтить, что ея дочери не было извѣстно объ ея происхожденіи, и красавица воспитывалась какъ простая крестьянка, хотя ея воспитатели, получая отъ боярина помощь и подарки, нѣжили и берегли ее.

Лишь только она была введена въ теремъ боярыни, Любаша, теперь уже старушка, тотчасъ узнала въ ней боярскую дочь, и сердце ея сжалось. Улучивъ время, она не преминула замѣтить боярину:

— Ахъ, бояринъ! не дѣло затѣялъ ты, что привезъ сюда Наташу; сгубитъ она дѣвушку.

— Но вѣдь она не знаетъ, кто Наташа.

— Пусть хотя и не знаетъ; но развѣ она можетъ терпѣть, чтобы въ этомъ домѣ былъ кто-нибудь лучше ея. Повѣрь, что она узнаетъ, найдетъ колдуна, и ей все скажутъ; тогда она погубитъ ее.

— Но она такъ тоскуетъ, когда узнала, что дочь ея жива.

— Она тоскуетъ не съ горя, но съ досады, повѣрь мнѣ,— твердила Любаша.

— Ну, что будетъ, то будетъ; я не вѣрю колдунамъ да пустынникамъ, говорилъ мой пращуръ.

— А вѣдь вотъ узнала же чрезъ нихъ, что твоя дочь жива.

Наташа осталась жить, какъ сѣнная дѣвушка; скоро освоившись съ своимъ положеніемъ, она начала рѣзвиться и увлекла всѣхъ своимъ очаровательнымъ пѣніемъ. Мать ея рвалась со злости и искала случая погубить ее.

Подъ предлогомъ прогулки, боярыня отправилась въ лѣсъ одна, въ сопровожденіи одной глухой служанки, и пошла въ завѣтный лѣсъ, къ пустыннику.

— Ну, что тебѣ нужно, дочь моя?—спросилъ пустынникъ.

— Я пришла спросить тебя: гдѣ моя дочь?

Старикъ усмѣхнулся и отвѣчалъ:

— Она въ одномъ теремѣ вмѣстѣ съ тобою: ты каждый день ее видишь.

— Такъ это она? Это вѣрно?

— Да! твоя дочь, Наташа.

— Сердце не обмануло меня,—сказала боярыня.

— Да твоему ли сердцу ошибаться,—сказалъ старецъ.

— Знаешь ли, что хочу просить тебя, мой почтенный старецъ? Не можешь ли ты помочь мнѣ?

— Въ чемъ?

— Я терпѣть не могу моей дочери и хочу погубить ее.

— Ты хочешь убить ее?

— Нѣтъ, я не хочу быть убійцей, но хочу сдѣлать ее несчастною.

— Я не принадлежу къ числу такихъ людей, которые никому не дѣлаютъ добра. Ищи подобныхъ въ другомъ краю, прощай!—Старецъ углубился въ чтеніе своихъ рукописей. Боярыня съ досадою вышла и отправилась домой.

Долго искала она средствъ и случаевъ, какъ однажды чрезъ слугъ своихъ узнала, что въ одномъ лѣсу жила старая вѣдьма, которая можетъ сдѣлать, что угодно, и что въ народѣ ходятъ про нее самые ужасные слухи. Боярыня выжидала случая, когда боярина, ея мужа, не было дома.

Однажды боярина не было дома; боярыня отпра-

вилась къ этой вѣдьмѣ въ сопровожденіи одной изъ преданныхъ женщинъ, знавшей ея пріютъ.

Скрипнула старая дверь на ржавыхъ петляхъ, и боярыня вошла въ низенькую, покривившуюся избушку, оставивъ служительницу за дверями.

— А, давнымъ-давно ждала я тебя, моя красавица!—сказала вѣдьма.

— Я къ тебѣ, бабушка, съ просьбой.

— Знаю, знаю.

— Развѣ тебѣ кто сказывалъ?

— Чего сказывать? Я все знаю! Тебѣ хочется извести свою дочь?

— Да, мнѣ хочется извести, но только не уморить.

— Хорошо, будетъ по-твоему.

— Можно ли сейчасъ это сдѣлать?

— Изволь, все можно. Я тебѣ сдѣлаю такъ, что она будетъ жива и здорова, только никуда неспособна, и ты удивишься моему искусству.

— А на сколько лѣтъ?

— На сколько хочешь: я могу сдѣлать на десять, на двадцать, на сто, пожалуй хоть на триста лѣтъ, но болѣе не могу.

— Вотъ это очень будетъ любопытно—на триста. А потомъ что же, кто ее выручитъ?

— Сама освободится и будетъ такая же, какъ и сейчасъ,—говорила старуха.

— Нѣтъ! пусть такъ будетъ, чтобы тотъ, кто ее освободитъ, продалъ душу свою лукавому.

— А! понимаю...—смѣялась старуха.—Ты хочешь душа за душу; хорошая выдумка!

Старуха развела на шесткѣ огонь, поставила горшокъ съ водой и, положивъ въ него разныхъ снадобій, стала варить, безпрестанно въ немъ помѣшивая.

Изба была курная, и потому скоро въ избѣ распространился чадъ съ зловоніемъ, отъ котораго у боярыни закружилась голова, и она упала безъ чувствъ на лавку.

Колдуньѣ было не до нея; нашептывая на свой составъ и помѣшивая, она ожидала, когда онъ закипитъ. Послѣ окончанія кипяченія вѣдьма привела въ чувство боярыню и сказала:

— Ну, вотъ тебѣ, матушка-боярыня, и снадобьице.

— Что же мнѣ съ нимъ дѣлать?

— Какъ только возвратишься домой, то кликни ее и спрысни этой водой сперва на каменную стѣну, а потомъ на нее, изъ руки просто, а въ ротъ не бери, а потомъ, что будетъ, не скажу, сама увидишь.—При этомъ подала ей зелье въ горшечкѣ, увязанномъ тряпкою.

Коварная боярыня, не слыша подъ собою ногъ и торопясь домой, бранила дорогу, что она слишкомъ длинна. Наконецъ, пришла домой.

Лишь только вошла въ свой покой, какъ потребовала къ себѣ Наташу, выславъ всѣхъ прочихъ слугъ.

— Подойди сюда поближе,—сказала боярыня, плеснувъ водою на стѣну.—Дѣвушка подошла и горсть жидкости попало ей прямо въ лицо.

— Ай!..—вскрикнула Наташа, и боярыня увидѣла, какъ въ одно мгновеніе красавица очутилась заклаленною въ каменную стѣну, только одно ея прекрасное личико виднѣлось и по сейчасъ виднѣется изъ стѣны.

— Ха, ха, ха!..—засмѣялась боярыня.—Ай-да старуха! Я не ожидала этого...

— Лишь только наступитъ обѣдъ или ужинъ, она всегда поетъ, на другое время она плачетъ,—говорилъ разсказчикъ.

— Ну, а бояринъ что?—спросилъ Громобой.

— Возвратился бояринъ; какъ взглянулъ на эту продѣлку, такъ тутъ же упалъ безъ чувствъ. Послѣ опомнился, но было уже поздно. Никакая сила не могла разрушить стѣну: ломы, сѣкиры ломались, и ни одного рубца не дѣлалось на стѣнѣ отъ ударовъ. Молоты разбивались въ куски. Бояринъ началъ разспрашивать слугъ, спрашивалъ и Наташу, но та только плакала и не отвѣчала ничего. Боярыня также не говорила ни слова, и когда мужъ спросилъ жену о причинѣ такого явленія, она отвѣчала смѣхомъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ разузнаваній, ему пришлось развѣдать, что это новое злодѣйство его жены, что чары, которыми она исполнила свое мщеніе, она получила отъ вѣдьмы.

— Чего еще мнѣ ждать? Остается только одно, что и мнѣ будетъ та же участь,—думалъ онъ.

Въ справедливомъ гнѣвѣ бояринъ явился къ вѣдьмѣ и приказалъ сжечь ея избу. Изба сгорѣ-

ла. Ужасный визгъ, стонъ и множество другихъ странныхъ явленій сопровождали пожаръ, но вѣдьма не сгорѣла; она съ хохотомъ вылетѣла въ окно на помелѣ, и съ той поры не было ничего о ней слышно. Одни говорятъ, что она полетѣла на Кіевъ, другіе—что на Новгородъ.

Наконецъ, кто-то надоумилъ боярина обратиться къ благочестивому пустыннику, живущему въ лѣсу, чтобы онъ напутствовалъ его благими совѣтами.

— Чего желаешь, сынъ мой?—спросилъ старецъ.

— Твоихъ совѣтовъ, добрый старецъ.

— Да, жизнь твоя не радостна.

— Такъ-то не радостна, какъ никогда...

— Знаю, знаю...

— Что мнѣ сдѣлать съ женою?

— Съ женой, этимъ извергомъ? Если правду сказать, ты убьешь ее.

— Не можетъ быть!.. Я не имѣлъ никогда такого намѣренія.

— Увидишь. Это я вижу по своимъ хартіямъ.

— Но какъ же я буду убійцей своей жены?

— Не мы управляемъ судьбою, а судьба нами.

Бояринъ, поблагодаривъ старца, вышелъ изъ лѣсу, крѣпко раздумывая о сказанномъ. Наконецъ, достигъ своего терема.

— Можетъ быть, все это и вправду онъ говоритъ,—думалъ онъ, входя въ покой своей жены. Взглянувъ на нее, онъ задрожалъ.

— Послушай, Людмила: когда ты сознаешься въ своихъ поступкахъ и исправишься? Время много, и, можетъ быть, близокъ смертный часъ.

— Въ чемъ мнѣ сознаться передъ тобою? Ты поглупѣлъ, кажется.

— Нисколько; я все знаю. — Бояринъ позвалъ Любашу.—Вотъ твоя вѣрная служанка; ей ты поручила убить Наташу; но Богъ ее сохранилъ отъ убійства, и она отдала дочь мою на воспитаніе. Когда дочь достигла пятнадцати лѣтъ, то, думая, что ты раскаиваешься въ своемъ поступкѣ, я пріютилъ ее въ нашемъ домѣ, разсчитывая на то, что современемъ открою тебѣ тайну, но, увы!.. Ты сама узнала и чарами злой вѣдьмы совершилось несчастіе. Ты рѣшилась погубить ее и погубить свою душу; не отмолить тебѣ грѣха,— говорилъ бояринъ.

— А, ты смѣешь мнѣ угрожать адомъ! А не хочешь, я тебя подвергну той же участи?—вскричала злобная женщина.

— О, это ужъ слишкомъ!.. Ты рождена для злодѣйства; но будетъ...

Разгнѣванный бояринъ выхватилъ мечъ и разсѣкъ жену почти надвое. Умерла несчастная, но этимъ очарованіе не потеряло своей силы, и бѣдная Наташа и по сейчасъ томится, а ужъ этому около трехсотъ лѣтъ. Вотъ и повѣсть этой несчастной, о которой, Громобой, ты хотѣлъ узнать. Мнѣ пришлось наслѣдовать этотъ теремъ, и вотъ слышать про эту легенду. Но не старайся даже думать объ ея освобожденіи, такъ какъ для этого нужно продать душу демону.

ГЛАВА IV.

Красавица въ стѣнѣ.—Продажа души.—Освобожденіе.

— А что, бояринъ, нельзя ли видѣть ее?

— Напрасно... Она такъ хороша, что, посмотрѣвши на нее разъ, ты не забудешь ея образа навѣки.

— Я и такъ ее знаю, она мнѣ видится наяву и во снѣ не однажды.

— Какъ хочешь, мой дорогой гость, но не разъ бывало, что витязи, увидавъ ее однажды, изсыхали съ тоски.

Бояринъ, взявъ витязя за руку, повелъ въ одну изъ комнатъ, обитую чернымъ штофомъ.

Въ одной изъ стѣнъ комнаты было небольшое углубленіе, изъ котораго выглядывало прелестное личико красавицы. Время не состарило ее ни на волосъ, только чрезвычайная блѣдность заступила мѣсто румянца.

— Вотъ она!—сказалъ бояринъ.

Громобой взглянулъ и пополовѣлъ. Ту, которую онъ видѣлъ во снѣ, теперь видитъ наяву, но во сто разъ прекраснѣе.

— А! избавитель мой, Громобой, какъ я счастлива!—сказала заключенная.—Ты спасешь меня! Ты спасешь меня!—И глаза ея заблистали слезами радости.

Голосъ, тотъ самый голосъ, который онъ без-

престанно слышалъ, который преслѣдовалъ его ежеминутно, онъ услышалъ и сейчасъ, но гораздо пріятнѣе прежняго.

— Первый разъ слышу эти слова, Громобой,— сказалъ бояринъ.—Видно, въ самомъ дѣлѣ тебѣ придется быть избавителемъ. Ахъ, несчастный!..

— Да, во что бы то ни стало, но я клянусь своимъ мечомъ, что я освобожу ее или погибну.

— Погибели тебѣ не миновать и такъ,—сказалъ бояринъ:—спасая ее, ты самъ подвергаешь себя погибели.

— Дѣлать нечего, бояринъ; сейчасъ же ѣду искать случая, кто бы мнѣ могъ посодѣйствовать.

— Это найдешь повсюду,—говорилъ бояринъ, провожая его до крыльца, къ которому былъ подведенъ его богатый конь.

Витязь, вскочивъ на коня, помчался по первой попавшейся дорогѣ, съ твердымъ намѣреніемъ продать свою душу, на условіяхъ освобожденія красавицы-Наташи.

Скоро ли, долго ли скакалъ онъ впередъ—неизвѣстно; но только на одномъ изъ перекрестковъ онъ вспомнилъ о цвѣткѣ, и вынувъ, повернулъ его передъ собою нѣсколько разъ и тутъ же нагналъ тихо идущаго старика.

— Эй, витязь! Потише; этакъ, пожалуй, или себѣ и коню шею сломишь, да и меня задавишь.

— Такъ посторонись.

— Нѣтъ, ты меня лучше присади, стараго человѣка.

— Если бы намъ было по пути, такъ пожалуй.
— Можетъ, и по пути,—говорилъ старикъ.
— Да ты знаешь ли, куда я ѣду?—спросилъ Громобой.
— Почему я знаю?
— Къ сатанѣ.
— Такъ и есть! Однако, тебѣ не зачѣмъ такъ далеко ѣхать; я знаю ближе къ нему дорогу; сворачивай въ этотъ лѣсъ.

Витязь повиновался и поѣхалъ въ густую чащу лѣса, съ трудомъ пробираясь между сучьевъ. Наконецъ, сдѣлавъ около двухсотъ шаговъ, они остановились у дверей хижины.

— Вотъ мы и здѣсь. Привяжи свою лошадь и войди; здѣсь получишь все, что тебѣ нужно.

Громобой не заставилъ себя повторять приглашенія пустынника, и тотчасъ вошелъ въ избушку.

Въ избушкѣ никого не было; столъ, двѣ скамьи, разрушенная печь, вотъ все, что тамъ находилось.

— Садись, мой гость, не чинись; у меня, бѣдняка, ничего лишняго нѣтъ, чѣмъ бы можно было похвастаться.—Дѣйствительно, у пустынника было пусто, и только огромная паутина свидѣтельствовала о томъ, что пустынникъ былъ не совсѣмъ одинокъ.

— Вотъ теперь, храбрый витязь, повѣдай мнѣ, что тебѣ нужно, или, по крайней мѣрѣ, на что тебѣ нуженъ дьяволъ.

— А вотъ зачѣмъ,—началъ богатырь:—судьба избрала меня, или злая судьбина ужъ моя такая,

что мнѣ необходимо, несмотря на явную погибель, избавить боярскую дочь отъ очарованія, въ которомъ она уже находится триста лѣтъ.

— Да, тебѣ необходимо ее избавить, и сегодня срокъ; я знаю эту несчастную.

— Какой срокъ?

— Сегодня—день въ день триста лѣтъ. Поспѣшай!..

— Но какъ же я увижу дьявола?

— Ты его сейчасъ видишь передъ собой!

— Какъ, неужели ты самъ дьяволъ?

— Да.

Громобой задрожалъ всѣмъ тѣломъ и схватился за рукоять меча.

— Ха, ха, ха! Не хочешь ли изрубить меня въ куски? Напрасный трудъ. Мы съ тобою ссориться не будемъ.

При этомъ дьяволъ вынулъ изъ-за пазухи кожу удавленника и перо.

— Пиши на этомъ лоскутѣ, что ты мнѣ чрезъ двадцать лѣтъ отдаешь свою душу за то, чтобы я освободилъ отъ очарованія боярскую дочь.

— Ну, хорошо. Но чѣмъ же буду писать?

— Кровью. У тебя есть мечъ, разрѣжь руку и пиши. Тутъ ея немного нужно.

Вынувъ мечъ, рыцарь разрѣзалъ кожу и началъ писать подъ диктовку дьявола.

Когда онъ кончилъ, дьяволъ усмѣхнулся, спряталъ росписку и сказалъ:

— Время дорого, Громобой! Сейчасъ же садись

на лошадь и скачи; я помогу тебѣ, и ты сейчасъ же будешь на мѣстѣ.—Громобой вздохнулъ и, выйдя изъ избушки, отвязалъ лошадь и вскочилъ на сѣдло.

Лишь только лошадь сдѣлала шагъ, какъ избушка съ страшнымъ громомъ провалилась при адскомъ хохотѣ исчезнувшаго дьявола, и густой лѣсъ пропалъ, вмѣсто котораго образовалась большая торная дорога. Не прошло и пяти минутъ, какъ храбрый витязь былъ, по волѣ дьявола, у крыльца боярина.

— Ну, что, Громобой?—спросилъ вышедшій навстрѣчу старый бояринъ.

— Что будетъ, то будетъ... А ужъ досталъ цѣной крови и души освобожденіе Наташи. И Громобой поспѣшилъ въ завѣтную комнату.

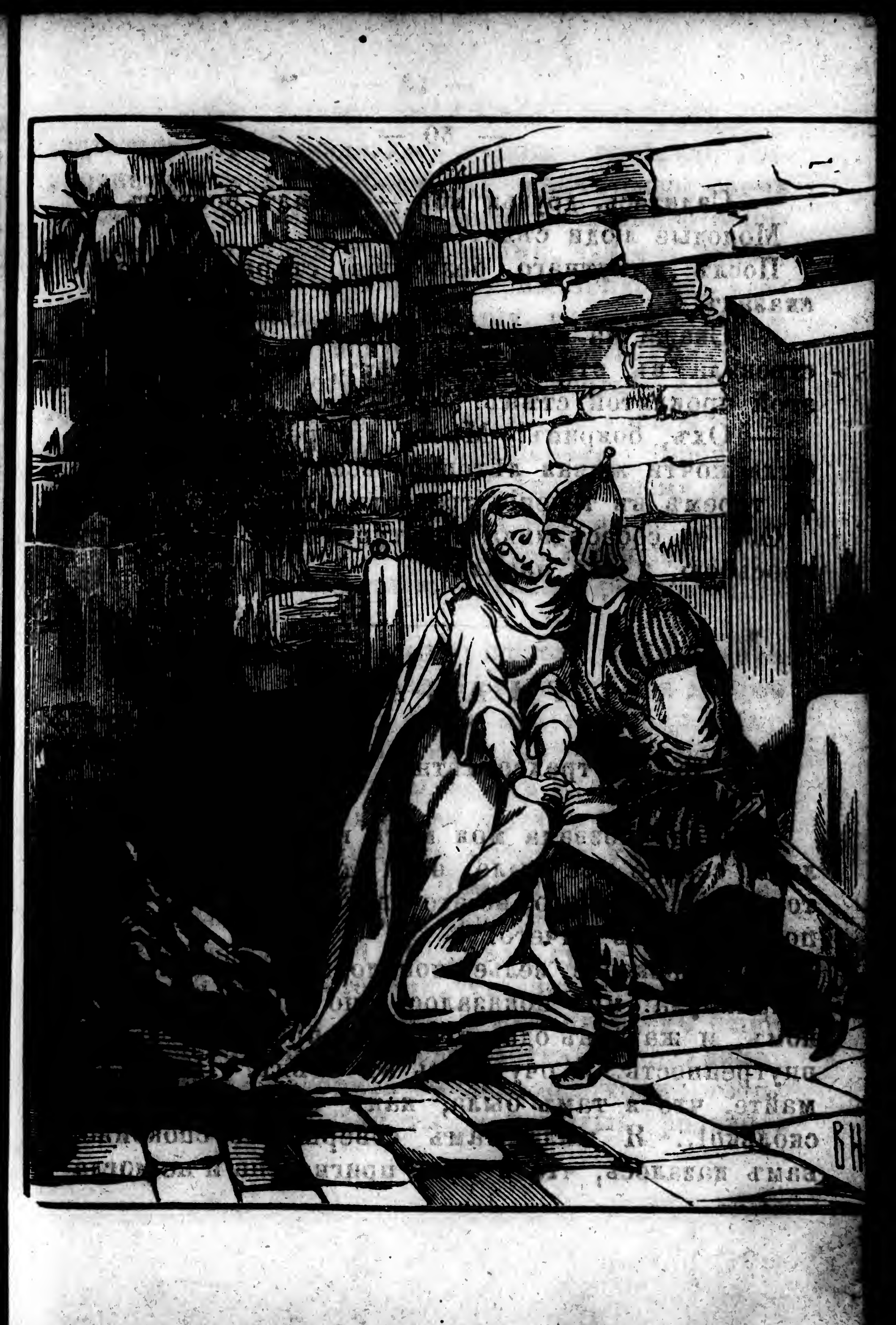
— Именемъ моимъ пропади всякое очарованіе!—вскричалъ Громобой.

Не успѣлъ онъ окончить сказаннаго, какъ невидимая рука разрушила часть стѣны, и дѣвушка выпрыгнула изъ заточенія.

— Избавитель мой!—закричала красавица, бросаясь къ его ногамъ.

Богатырь поднялъ красавицу и поцѣловалъ ее. Слезы радости лились у обоихъ, даже старый бояринъ уронилъ слезу на свой сѣдой широкій усъ.

Въ эту восхитительную минуту, казалось, была забыта страшная цѣна освобожденія красавицы, и бояринъ пригласилъ счастливцевъ въ общую комнату.

— Садитесь, друзья мои,—сказалъ бояринъ.

Молодые люди сѣли.

Послѣ минутнаго безмолвія старый бояринъ сказалъ:

— Скажи на милость, Наташа, что ты чувствовала въ эти триста лѣтъ, проведя ихъ въ этой проклятой стѣнѣ?

— Охъ, бояринъ! Много я перечувствовала; я была почти живая лѣтопись всего происшедшаго въ теремѣ въ теченіе трехсотъ лѣтъ.

Оба ея собесѣдника приступили къ Наташѣ съ просьбою, и она начала.

ГЛАВА V.

Жизнь трехсотлѣтней невольницы.

— Меня позвала моя мать въ горницу. Я явилась, сердце мое ныло, ноги дрожали... Я чего-то ждала ужаснаго, но это бѣдное сердце не могло повѣдать мнѣ ничего.

Когда роковое зелье попало мнѣ въ лицо, я вскрикнула: мнѣ показалось оно горячимъ кипяткомъ, и жаръ въ одно мгновеніе проникъ всю мою внутренность. Я очутилась въ стѣнѣ. Но не думайте, что я тамъ была, какъ въ тискахъ—нисколько!.. Я жила тамъ совершенно спокойно; вамъ казалось, что я была пригнетена и не могла

двигаться, но это казалось вашимъ глазамъ. Напротивъ, я жила свободно; у меня была очень просторная свѣтлица, и я даже по желанію занималась работами и тѣми самыми, какія я знала.

Въ мою свѣтлицу каждый день приходилъ старикъ и приносилъ мнѣ пищу, и всегда такую вкусную, что я не могла отъ нея отказываться. Этотъ старикъ доставлялъ мнѣ работы, когда я того желала. Но только никогда не говорилъ со мной, о чемъ я его ни спрашивала. Впрочемъ, мнѣ было не до вопросовъ. Я знала время, когда мнѣ должно было освободиться изъ этого заключенія, и знала съ первой минуты заключенія имя и образъ моего избавителя,—сказала разсказчица.

Потомъ продолжала:

— Я даже знала, какою цѣною произойдетъ мое избавленіе, но, увы! мнѣ свобода была дороже всего. Несмотря на то, что я пользовалась всѣми удобствами, сердце мое постоянно ныло и билось, такъ что каждый день былъ мнѣ мукой.

Мнѣ было приказано два раза въ день пѣть для того, чтобы услаждать обѣдъ и ужинъ владѣльцевъ-бояръ, хотя это было чрезъ силу. Горесть моя была велика, но я ежеминутно утѣшалась, что буду избавлена. Я не умѣла думать, но чувствовала до такой степени, что знала, когда кто родится, когда кто умретъ, и мнѣ извѣстны были всѣ вообще будущія обстоятельства нашего дома. Но я не могла говорить съ людьми, кромѣ тебя, Громобой. Лишь только ты, мой милый, родился,

я уже молилась о тебѣ, потому что я имѣла на это право молиться безмолвно, такъ какъ на мнѣ былъ оставленъ святой крестъ.

— Но скажи мнѣ, пожалуйста, Наташа, какимъ образомъ ты мнѣ представлялась постоянно и слышался твой плѣнительный голосъ?

— Это по сочувствію нашихъ душъ. Когда пришелъ сегодня послѣдній день, ко мнѣ явился мой старикъ и сказалъ: «Тебя сегодня спасутъ, Наталья. Нашелся твой избавитель; оковы твоей злой матери разрушились». Только я и могла отъ старика слышать въ теченіе трехсотъ лѣтъ.

— Но отчего же стѣна не могла, при всѣхъ усиліяхъ топоровъ, ломовъ и другихъ орудій, разрушиться?—спросилъ бояринъ.

— Оттого, что ее охраняла невидимая стража. Притомъ еще нужно сказать, что каждый ударъ въ стѣну мнѣ былъ очень боленъ, какъ будто бы наносился мнѣ самой.

— Какимъ же образомъ могъ пустынникъ сдѣлать такъ, что посредствомъ какихъ-то наговоровъ я избавился, нося на поясѣ мѣшочекъ, отъ твоего преслѣдованія? Ты это знаешь или нѣтъ?—спросилъ витязь.

— Этотъ пустынникъ врагъ моего старика, который подавалъ мнѣ пищу. Этотъ пустынникъ, посредствомъ своихъ заклинаній, усыпилъ меня, и я не могла думать о тебѣ, чѣмъ онъ продолжилъ бы мое заключеніе. Но когда старикъ увидалъ, что я сплю не во время, то пришелъ въ

ярость, и вотъ почему на тебя напали печенѣги, которыхъ ты уложилъ; имъ нуженъ былъ не ты, а твой поясъ, на которомъ былъ заклинательный узелокъ.

— Ты все видѣла и слышала? — спросилъ бояринъ.

— Гдѣ?

— Что происходило въ домѣ.

— Все; я даже могла узнавать мысли, но не могла подавать ни голосомъ, ни взглядомъ никакого совѣта, никакой предосторожности.

— А теперь?

— Теперь я всего этого лишилась, но взамѣнъ того мнѣ теперь возвращено удовольствіе жизни, о которой я триста лѣтъ страдала, и которой такъ ждала.

— Дивная вещь!—сказалъ Громобой.

— Очень странно!—сказалъ съ своей стороны бояринъ.

На утро другого дня бояринъ пригласилъ священника и началъ просить его о томъ, чтобы немедленно совершилъ вѣнчаніе. Священникъ согласился.

Скоро былъ назначенъ день бракосочетанія, котораго дожидался витязь съ нетерпѣніемъ.

Вотъ уже совершонъ бракъ; бояринъ принялъ на себя трудъ хлопотать обо всемъ и, наконецъ, молодые достигли того, чего желали. Въ минуты счастья онъ совершенно позабылъ о томъ, какой ужасной цѣною онъ пріобрѣлъ предметъ любви.

Прошла недѣля, какъ одинъ день, когда, наконецъ, витязь началъ собираться въ путь, но уже не въ Кіевское княженіе, а обратно въ Новгородъ. «Прощай, боевая жизнь!» —думалъ онъ, и въ колымагѣ, запряженной цугомъ, катился съ своей молодой женой Громобой на родину. Экипажъ былъ подаренъ съ лошадьми и сбруей старымъ бояриномъ, который просилъ не забывать старика. Итакъ исполнилось предсказаніе гостепріимной старухи, которая сказала, что думаешь въ Кіевъ, а попадешь въ Новгородъ.

ГЛАВА VI.

Сокрушеніе сердца.—Путешествіе Громобоя.—Утѣшеніе.

Хорошо зажилъ подъ роднымъ кровомъ Громобой; Наталья удивляла и очаровывала своею красотою весь великій Новгородъ.

Во всѣхъ домахъ только и говорили о храбромъ Громобоѣ, котораго сила и богатырская отвага страшила робкихъ, удивляла храбрыхъ, и объ его молодой женѣ, которая прельщала всѣхъ и каждаго.

Хотя мысль о срокѣ, въ который онъ долженъ былъ отдать душу дьяволу, рѣдко посѣщала его,

но онъ былъ очень набоженъ и не пропускалъ ни одной церковной службы.

Прошелъ годъ, и у него родился сынъ, прекрасный, полный ребенокъ, съ голубыми глазами и румяный. Его назвали Всеславомъ. Мальчикъ росъ, и семейное счастіе увеличилось этимъ залогомъ любви и нѣжности.

Достигнувъ пятилѣтняго возраста, Всеславъ, по примѣру отца, точно также имѣлъ необыкновенную силу и ловкость и удивлялъ знакомыхъ точно такъ же, какъ веселилъ отца.

— Богатырь будетъ,—думалъ онъ, и часто даже бесѣдовалъ о томъ съ женою.

— Да, весь въ отца,—говорила мать.

— Будетъ богатырь, но меня ужъ не будетъ,—вздыхалъ отецъ, проливая слезы; но Наташа цѣловала его и говорила:

— Нѣтъ той власти въ мірѣ, которая бы превышала Божію милость. Молись ты, я молюсь также: неужели Господь не поставитъ въ заслугу твое доброе дѣло, которое ты совершилъ для меня!

— Божіе милосердіе велико, но я слишкомъ слабъ и слишкомъ грѣшенъ; можетъ быть, Господь отвернулъ отъ меня Свое лицо.

— Можно ли такъ думать! Если есть справедливость, то Творецъ не забудетъ тебя, если Онъ печется и о тваряхъ земныхъ.

Но какъ ни утѣшала его жена, а Громобой

часто предавался задумчивости, и нерѣдко слезы орошали его впалыя щеки.

Положимъ, что бѣда была еще далека отъ него, но она была слишкомъ грозна, неумолима, и хотя вдали, но грозила адомъ и вѣчнымъ проклятіемъ. Что страшнѣе отреченія отъ Бога, отъ вѣчнаго добра и блага?

Чтобы умилостивить Творца, онъ дѣлалъ всѣмъ добро, не отказывалъ ни одному бѣдняку, вносилъ богатые вклады въ церкви и монастыри, такъ что имя его гремѣло далеко въ весяхъ новгородскихъ; но онъ не чаялъ себѣ спасенія и горько улыбался, когда его благословляли въ такихъ случаяхъ и кланялись въ поясъ, какъ почетному лицу города.

Вотъ Всеславу наступилъ тринадцатый годъ; мальчикъ выросъ и выглядывалъ совершеннымъ красавцемъ. «Шесть лѣтъ осталось, думалъ онъ, только шесть лѣтъ, и я въ дорогу, гдѣ будетъ мнѣ удѣломъ плачъ и скрежетъ зубовъ. Недолго, недолго, и все, что мило на землѣ для меня, погибнетъ навсегда, и я промѣняю это земное счастіе на адскую муку. Господи! какъ мнѣ горька, сурова, безотрадна моя судьба, которая меня такъ безжалостно преслѣдуетъ! Какою дорогою цѣною купилъ я двадцать лѣтъ семейнаго счастія! Но и этотъ срокъ уже гаснетъ и помрачается страхомъ смерти и жестокой загробной жизни. Ахъ, какъ страшно! Какъ безотрадно!»

Его избрали въ совѣтники. Мудро давалъ Громобой совѣты Новгороду. Умные рѣчи и совѣты

его принимались всѣми единодушно. Но мудрый витязь сохнулъ, и тридцати шести лѣтъ уже посѣдѣлъ, исхудалъ, и улыбка навсегда оставила его нѣкогда прекрасное лицо.

Жена страдала за него; ей было жаль мужа, и она трепетала за его будущность, припоминая всѣ ужасы, какіе ему должны встрѣтиться при смерти, и муки послѣ смерти.

Въ одинъ прекрасный день Наталья сидѣла съ Громобоемъ, утѣшая его; она сама страдала не менѣе, потому что безнадежность снѣдала обоихъ, и скорбь одного была скорбью другого.

— Любезный мой Громобой, ты бы посовѣтовался съ кѣмъ-нибудь: быть можетъ, какой-нибудь мудрецъ дастъ тебѣ совѣтъ къ устраненію этого неизбѣжнаго зла.

— Но съ кѣмъ же я могу дѣлить свою скорбь, соединенную съ своимъ безпримѣрнымъ безчестіемъ? Я, извѣстный своимъ богатствомъ и храбростью, витязь новгородскій, могу ль кому-нибудь повѣдать, что душа моя, какъ душа проклятаго, продана дьяволу? Народъ уничтожитъ меня и, наконецъ, заклеймитъ безчестіемъ и, пожалуй, разгромитъ нашъ домъ и разоритъ наше богатство,—отвѣчалъ Громобой.

— На что же намъ богатство?.. Дастъ ли оно счастье нашему семейству? Вѣдь оно отравлено несчастьемъ великимъ и неисправимымъ.

— Правда, жена, по крайней мѣрѣ, счастьемъ

и богатствомъ будетъ пользоваться нашъ сынъ и его дѣти.

— А если ты не посовѣтуешься ни съ кѣмъ, то ты неминуемо погибнешь и, мало того, принесешь своею смертію проклятіе семейству.

— Я вѣрю, жена, что ты права, и я воспользуюсь твоимъ совѣтомъ; но для этой цѣли я долженъ отправиться за предѣлы Новгорода, туда, гдѣ меня не знаютъ.

— Можно и такъ сдѣлать; мало ли есть пустынниковъ и затворниковъ, которые подаютъ мудрые совѣты и могутъ предвидѣть будущее, пособить и утѣшить въ часы недуговъ.

Благодарныя слезы оросили исхудалое лицо Громобоя.

— Правда, милая подруга жизни, нѣтъ въ жизни горести, которая, для облегченія ей, не могла бы быть скрыта. Утѣшеніе другихъ скорѣе всего нужно страдальцу. Благодарю тебя!

Громобой приказалъ на другой день немедленно приготовить боевого коня, доспѣхи, чтобы утромъ рано пуститься въ дальній, неизвѣстный путь, можетъ быть, и надолго.

Простясь съ родными, Громобой помчался впередъ и скоро былъ внѣ предѣловъ области новгородской.

Времени прошло довольно. Богатырь Громобой ѣхалъ, постоянно разспрашивая прохожихъ, проѣзжихъ и всѣхъ, у которыхъ былъ на ночлегѣ.

Наконецъ, проѣхавъ нѣсколько верстъ, онъ

встрѣтилъ на пути одного смерда *) и спросилъ его:

— Послушай, любезный, не знаешь ли ты гдѣ-нибудь здѣсь въ окрестности мудреца или пустынника, который можетъ подавать совѣты и предсказывать будущее?

— Есть, храбрый витязь.

И мужичокъ указалъ дорогу, куда и помчался витязь.

Нужно было слишкомъ долго ѣхать впередъ лѣсомъ, чтобы достигнуть укромнаго убѣжища. Вѣтви хлестали въ лицо витязя, ручейки и топи пересѣкали ему дорогу. Волки, змѣи и другія животныя пугали его благороднаго коня; но всѣ эти препятствія были нипочемъ всаднику, озабоченному одною мыслію, которая проникала все его существо.

Нѣсколько часовъ ѣзды, наконецъ, вывели его на прекрасную поляну, освѣщенную лучами солнца; вѣковые дубы, пахучіе тополи и липы, благоухающіе цвѣты украшали это мѣсто.

Живописности этой поляны много содѣйствовалъ ключъ, бившій изъ камня и журчащій весьма мелодически; близъ этого прекраснаго источника стоялъ шалашъ, сплетенный изъ древесныхъ вѣтвей и заросшій со всѣхъ сторонъ однимъ виноградникомъ и повиликою; ему, какъ во снѣ, вспоминалось что-то знакомое.

---

*) Смердъ—простолюдинъ.

— Конецъ моимъ препятствіямъ! — подумалъ Громобой и, соскочивъ съ своего богатырскаго коня, пошелъ къ шалашу.

Не успѣвъ еще сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, чтобы войти въ шалашъ, онъ былъ встрѣченъ старцемъ въ темной одеждѣ и украшеннымъ сѣдинами.

— Здравствуй, храбрый витязь Громобой! Опять завело тебя въ мою заповѣдную поляну?

— Горе занесло, почтенный старецъ: пріѣхалъ просить совѣта и помощи.

— Милости прошу!—сказалъ въ отвѣтъ старецъ. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; привяжи свою лошадь и войди въ мой убогій пріютъ.

Витязь привязалъ лошадь и вступилъ въ его скудное жилище, въ которомъ ничего не было, кромѣ кучи сѣна и травы, да большого камня, который служилъ ему вмѣсто стола. На этомъ столѣ лежало нѣсколько сухихъ овощей, нѣсколько такихъ же плодовъ было развѣшано на жердяхъ и веревкахъ.

— Извини, что принимаю тебя, добрый богатырь, въ такомъ плохомъ пріютѣ.

— Мнѣ нуженъ не пріютъ, а совѣтъ и утѣшеніе, мой добрый старецъ.

— Ну, садись, мой другъ, и повѣдай свое горе.

— Прежде всего, добрый старецъ, повѣдаю тебѣ, что я величайшій изъ грѣшниковъ.

— Что же, Божіе милосердіе неизмѣримо, и нѣтъ сомнѣнія, что Провидѣніе приметъ твое раскаяніе,—говорилъ старецъ.

— Я шестнадцать лѣтъ назадъ продалъ свою душу сатанѣ, четыре года осталось мнѣ жить, и въ это время, когда я сталъ богатъ, знатенъ, семьянинъ, семейное счастье мнѣ стало тяжестью, и укоры совѣсти съ каждымъ днемъ дѣлаются невыносимыми, а близость срока грозитъ мнѣ смертью съ ея ужасами и гнѣвомъ Творца.

— Да, сынъ мой! Я вполнѣ сознаю твое положеніе, ты несчастенъ. Я знаю и причину твоего поступка; но молись Творцу: Онъ, можетъ быть, не оставитъ тебя, потому что если ты увлекся, то увлеченію этому причиною была твоя молодость и тотъ неотразимый рокъ, который сохранилъ вживѣ три столѣтія твою невѣсту. Я все знаю.

— Не можно ли этому дѣлу помочь?

— Трудно.

— Я посвящу себя въ монастырь, надѣну вериги, лишь бы только Господь чрезъ твои молитвы ниспослалъ мнѣ прощеніе, и чтобы злой дьяволъ возвратилъ мою росписку.

— Хотя раскаяніе твое сильно, но оно вызвано угрызеніемъ совѣсти и страхомъ суда Божія; но не давай обѣтовъ, а помни то, что мы не властны безъ Бога сдѣлать что-нибудь по своему произволу. Господь не спрашиваетъ съ насъ никакихъ обѣщаній. Но твое дѣло очень трудное.

Витязь упалъ на колѣни и со слезами на глазахъ цѣловалъ руки и ноги святого.

— Старецъ, помоги! Если можно облегчить

меня, великаго грѣшника, и оказать такую помощь, то эта помощь твоя будетъ величайшее благодѣяніе; ты осушишь слезы моей семьи, тебя благословитъ тысячи несчастныхъ, которымъ я буду раздавать богатую милостыню. Искупи грѣшника и открой ему дорогу въ рай!

— Мнѣ жаль твоихъ слезъ, Громобой; добродѣтель твоя также говоритъ мнѣ за тебя, за счастье твоей семьи и за счастье многихъ, которымъ ты оказалъ пользу. Но послушай, Громобой: можешь ли ты выдержать то великое испытаніе, которое тебѣ предстоитъ?

— Лишь бы оно было для спасенія моей души. Я готовъ выдержать всѣ мученія тѣла, чтобы получить спокойствіе души.

— Нѣтъ, ты не понялъ меня, витязь. Мученія тѣла ничего не значатъ противъ страданій души.

— Временное страданіе ничего не значитъ противъ страданій вѣчныхъ, святой старецъ.

— Ты говоришь справедливо, и хотя трудно, но, дѣлать нечего, я долженъ помочь ближнему, чтобы помочь тебѣ; при этомъ пустынникъ всталъ и, воздѣвъ руки къ небу, сказалъ:

— Боже Всемогущій! помоги мнѣ въ моемъ намѣреніи; Ты видишь сердца наши и знаешь чувства наши.

Сказавъ эти слова, старецъ обратился къ Громобою и сказалъ:

— Отвѣдай этихъ плодовъ, сынъ мой, и ложись отдохнуть; намъ предстоитъ путь.

Громобой хотя совершенно лишился аппетита, но изъ угожденія къ особѣ старца раздѣлилъ его скромную трапезу и потомъ легъ на предложенное ему ложе.

Немного отдохнувъ, Громобой всталъ и увидѣлъ, что старикъ, одѣтый по-дорожному, сидѣлъ на травѣ у порога и, опираясь на палку, углубился въ задумчивость.

— Я готовъ, почтенный старецъ, — сказалъ Громобой.

— Умой лицо и руки у этого источника, вода его освѣжитъ твое чело.

Громобой послѣдовалъ его совѣту.

— Почтенный старецъ! позволь предложить тебѣ мою лошадь, а я пойду пѣшкомъ и поведу ее подъ уздцы.

— Нѣтъ, сынъ мой! Ты поѣзжай, а я слишкомъ старъ, чтобы подняться на стременахъ. Было время, и я ѣзжалъ богатыремъ и участвовалъ въ битвахъ; но это время прошло, и теперь въ памяти осталось прошлое, какъ смутный сонъ. А ты садись да захвати съ собой мѣшокъ съ сухими плодами. Будетъ время, я осѣдлаю еще разъ коня, но то будетъ послѣдній разъ, и я покажу себя богатыремъ.

ГЛАВА VII.

Мрачное подземелье.—Двѣнадцать старцевъ.—Молитва.—Вѣщаніе.—Сны.—Спасеніе.

Тихой поступью шли наши путники невѣдомыми Громобою тропами, который велъ за поводъ своего богатырскаго коня.

— А что, отецъ мой! позволь спросить тебя, чей ты сынъ, если только этимъ я не оскорблю тебя?

— Мои родители тебѣ не могутъ быть извѣстны; я сынъ одного изъ славныхъ слугъ Святославовыхъ, имя мое—Предиславъ. Когда отецъ мой сопровождалъ княгиню Ольгу въ Царьградъ, то, по примѣру ея, принялъ греческую вѣру и по пріѣздѣ привелъ въ эту вѣру всѣхъ въ семействѣ. Я подросталъ и укрѣплялся въ силахъ, и ходилъ съ отцомъ на печенѣговъ, косоговъ и въ болгарскія страны. Славное было время, время побѣдъ и молодечества. Былъ женатъ, какъ и ты, такъ же, какъ и ты, имѣлъ семейство и полюбилъ жизнь спокойную; потерявъ жену и двухъ сыновей, я потерялъ также ту доблесть, которая нужна была мнѣ, какъ богатырю, чтобы продолжать боевую жизнь; да, признаться, отвыкъ и сталъ презирать всякое ремесло, гдѣ проливается безвинная кровь человѣческая. Устарѣвъ тѣломъ, я почуялъ въ себѣ новую духовную силу,—силу

благодати Господней, которая никогда не угаснетъ въ вѣрующемъ, и захотѣлъ скрыться въ эту пустыньку, чтобы никто не мѣшалъ мнѣ въ бесѣдѣ съ Богомъ. Ты знаешь, Громобой, что и сейчасъ есть много язычниковъ, которые всѣми силами стараются опять возстановить капища и ненавидѣть христіанъ. И вотъ теперь, въ этой хижинѣ, я провожу уже тридцать три года.

Разсказывая это, старикъ и Громобой шли далѣе, иногда отдыхая. Витязь боялся обнаружить даже движеніемъ нетерпѣніе и шелъ себѣ, куда ему указано. Ночь застала ихъ въ лѣсу; нужно было расположиться спать. Громобой нарубилъ сучьевъ, травы и сдѣлалъ довольно мягкую постель для себя и для старца. Ночь прошла, и лишь только наступило раннее утро, какъ они опять продолжали путь. Старецъ, время отъ времени, разсказывалъ Громобою о жизни святыхъ дѣятелей христіанской церкви и тѣмъ самымъ указывалъ, какія испытанія претерпѣвали тѣ, которые хотѣли заслужить вѣнецъ правды. Витязь внималъ словамъ Предислава и незамѣтно, безскучно сокращалъ путь. Наступилъ опять вечеръ и на открывшейся полянѣ увидѣли они полуразрушенное каменное зданіе, почернѣвшее отъ времени, поросшее мохомъ и травою, а мѣстами изъ камней торчали кусты шиповника и повилики.

— Ну, вотъ и путь нашъ конченъ, сынъ мой. Теперь намъ необходимъ огонь. Безъ огня мы можемъ сбиться съ пути.

Громобой былъ въ затрудненіи. Онъ не зналъ, куда поставить своего коня, и потому спросилъ старца, куда его дѣть, чтобы его не заѣли хищные звѣри, которыхъ встрѣчали на пути.

Старецъ взялъ лошадь за поводъ, помѣстилъ въ извѣстной ему пристройкѣ и, нащипавъ свѣжей травы, велѣлъ сдѣлать запасъ воды для коня Громобоя.

Богатырь все это исполнилъ, и вотъ, наконецъ, старикъ сказалъ:

— Здѣсь мы должны пробыть три, а можетъ быть, и четыре дня; ты долженъ будешь здѣсь дня три или четыре не видать свѣта и находиться на молитвѣ. Оставь свой мечъ и доспѣхи, они не нужны предъ лицомъ Бога.

Громобой повиновался. Старецъ высѣкъ огня и, зажегши восковую свѣчу, повелъ своего спутника по длиннымъ переходамъ таинственнаго зданія; этими переходами спутники то поднимались вверхъ, то спускались внизъ и, наконецъ, достигли двери, которая лежала въ каменномъ полу.

— Ты помоложе и посильнѣе меня, Громобой, и потому легче поднимешь ее.

Громобой весьма легко поднялъ дверь, и старецъ сказалъ:

— Ступай, сынъ мой, впередъ по этой лѣстницѣ, держись за стѣну, а я тебѣ буду свѣтить.

Лишь только дверь была открыта, какъ вмѣсто гнилого и затхлаго воздуха оттуда пахнулъ пріятный ароматическій запахъ, что очень удивило

Громобоя. Широкія и высокія каменныя ступени, числомъ отъ тридцати и болѣе, ввели его въ подвалъ съ высокими сводами, освѣщенный восковыми свѣчами, стоящими предъ мрачными стѣнами.

— Останься здѣсь, сынъ мой, я сейчасъ возвращусь. — И путеводитель Громобоя отворилъ дверь, находящуюся въ углу стѣны.

Громобой, повинуясь во всемъ старцу, стоялъ и дрожалъ отъ страха. Ему была удивительна вся эта таинственность и неизвѣстность будущаго, которое должно было наступить въ скорости; это его чрезвычайно пугало, тѣмъ болѣе, когда Громобой былъ уже предувѣдомленъ о великомъ испытаніи, ему предстоящемъ.

Вдругъ дверь отворилась, и яркій свѣтъ поразилъ его взоръ: съ большими восковыми свѣчами въ рукахъ изъ другой комнаты вышли двѣнадцать старцевъ въ черныхъ рясахъ, съ бѣлыми, какъ лунь, бородами и волосами, и подошли къ Громобою, вставъ въ рядъ въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Предисланъ въ числѣ этихъ двѣнадцати старцевъ подошелъ съ чашею и приказалъ ему омыть лицо, руки и ноги.

Громобой исполнилъ это, и ему было приказано идти босикомъ въ слѣдующую комнату.

Слѣдующая подвальная комната составляла какъ бы послѣднюю: всѣ стѣны ея были украшены образами, и передъ каждымъ изъ нихъ теплились лампады, или горѣли свѣчи.

Громобой хотѣлъ было перекреститься, но ему

не позволили, и одинъ изъ старцевъ, повидимому, старѣйшій, спросилъ его:

— Ты христіанинъ?

— Да! — былъ отвѣтъ Громобоя.

— Знаешь молитвы?

— Знаю.

Старѣйшій спросилъ, какія молитвы онъ знаетъ, наконецъ, заставилъ его ихъ прочитать. Когда Громобой исполнилъ это, старѣйшій вновь приступилъ къ вопросамъ.

— Отецъ твой также былъ христіаниномъ?

— Да.

— А мать?

— Тоже христіанка.

— Зачѣмъ ты пришелъ къ намъ?

— Меня привелъ старецъ Предиславъ.

Старцы обратились къ Предиславу.

Предиславъ сталъ рядомъ съ Громобоемъ, лицомъ къ вопрошающимъ, и сказалъ:

— Витязь Громобой, котораго вы предъ собою видите, братія, есть великій грѣшникъ, котораго успокоить я былъ не въ силахъ, я прошу васъ за него принести общую вашу молитву, да проститъ ему Богъ его согрѣшеніе.

— Въ чемъ же его прегрѣшеніе?

— Онъ продалъ свою душу дьяволу.

— Дьяволу? О, несчастный! Велико прегрѣшеніе твое, несчастный!

— Братія! помолимся за него, — говорилъ со слезами Предиславъ.

— Помолитесь за меня, старцы,— сказалъ Громобой.

Тогда старѣйшій, подойдя къ нему, спросилъ:

— Какъ ты могъ продать душу свою душегубу, если родители твои, христіане, воспитали тебя въ духѣ добродѣтели и когда крестили тебя, то уже за тебя отрицались отъ сатаны?

Громобой въ смущеніи стоялъ безмолвно на колѣняхъ и проливалъ слезы, громко плача.

Тогда Предиславъ выступилъ опять съ рѣчью:

— Братія! вѣрьте его слезамъ, это слезы раскаянія. Громобой не продалъ бы души своей, если бы она не пошла за освобожденіе другой души, которая гибла три столѣтія по волѣ жестокой матери. Вся послѣдующая жизнь его достойна подражанія. Онъ подаетъ добрые совѣты, помогаетъ бѣднымъ, принимаетъ странниковъ, вноситъ вклады по монастырямъ, и въ свое семейство вноситъ счастіе. Но здоровье его гибнетъ, онъ усталъ во цвѣтѣ лѣтъ и, при всѣхъ своихъ благодѣяніяхъ, онъ лишился надежды на милосердіе Божіе... Братія! поможемъ ему своими грѣшными молитвами; пусть онъ будетъ жить на радость бѣднымъ, и въ лицѣ его возвратимъ счастіе его семьѣ и роднѣ.

Предиславъ заплакалъ, старцы также, а Громобой отъ неудержимаго волненія души упалъ въ обморокъ.

Когда онъ очнулся, то Предиславъ проставилъ его въ уголъ моленнаго покоя и велѣлъ ему мо-

литься; старцы молились также и пѣли хвалебныя пѣсни; одинъ изъ старцевъ читалъ молитву.

Чрезъ каждые два часа благочестивыя сподвижники немного отдыхали, и потомъ опять начинали свои моленія. Громобой также молился и даже не переставалъ молиться во время отдыха старцевъ. Волненіе его и усердіе до того были сильны, что потъ, катившійся съ его чела, образовалъ большое мокрое пятно на каменномъ полу.

Такъ прошло много часовъ. Наступило время отдохновенія. Двое отшельниковъ стали читать молитвы, прочіе вышли куда-то въ ихъ кельи.

— Отдохни немного,—сказали они Громобою; но тотъ продолжалъ молиться...

Вдругъ онъ видитъ предъ собою грознаго Зеіопа, который предсталъ предъ нимъ во всемъ ужасающемъ величіи, окруженный сонмомъ своихъ клевретовъ.

— Чего ты хочешь отъ меня, Громобой?

— Именемъ Бога всемогущаго я требую отъ тебя взятой у меня записи на мою душу.

— Но вѣдь ты самъ ее мнѣ отдалъ?

— Да, но я не зналъ страха смерти и угрызенія совѣсти, я не постигалъ по легкомыслію грѣха, такъ я былъ тогда невиненъ.

— Напрасно, Громобой, хлопочешь. Если ты хочешь славы, возьми, я дамъ тебѣ; если хочешь горы золота, я тебѣ засыплю амбары; царства дамъ, но не требуй, чего невозможно,—говорилъ сатана.

— Для Бога все возможно, а мошкой земной

славы и богатству; я ищу жизни вѣчной и Божьяго милосердія.

— Какъ тебя пугаетъ смерть!

— Меня пугаетъ гнѣвъ Божій и вѣчная погибель души,—отвѣчалъ Громобой.

— Да я ли виноватъ въ твоей душѣ, когда она была триста тридцать шесть лѣтъ назадъ по завѣщанію отдана мнѣ? Взамѣнъ сего я освободилъ твою жену.

— Это до меня не касается; но я и эти святые отшельники будемъ молиться о мнѣ Господу, могуществу Котораго нѣтъ предѣловъ.

— Напрасно требуешь...

Тутъ Громобой проснулся и осмотрѣлся вокругъ. Въ молельнѣ догорали свѣчи, и два отшельника неумолкаемо читали молитвы.

Громобой подозвалъ одного изъ нихъ и разсказалъ видѣніе.

Отшельникъ осѣнилъ его крестомъ и сказалъ:

— Молись и вѣрь благости Божіей.

Старецъ вышелъ и повѣдалъ о сновидѣніи прочимъ.

Опять цѣлыя сутки прошли въ неустанной молитвѣ. Наступило время краткаго успокоенія; двѣ очередные отшельника вновь стали читать у своихъ налоевъ.

Громобой, считая грѣхомъ ложиться, до совершеннаго утомленія молился, сперва стоя, на колѣнахъ, и, наконецъ, опять крѣпкій сонъ смежилъ его вѣжды.

Опять видитъ: въ быстромъ мрачномъ облакѣ къ нему несется нѣсколько тѣней. Мрачная и суровая женщина въ крови предстала предъ нимъ, скованная по шеѣ, рукамъ и ногамъ. Два страшные врага правды держали ее на цѣпяхъ и бичевали по плечамъ. Волосы ея въ безпорядкѣ вились по плечамъ.

Громобой затрепеталъ при видѣ такого истязанія слабой, но прекрасной женщины, и встрѣтилъ въ ней что-то общее съ своей супругой, только яростное выраженіе въ глазахъ портило подобіе.

— Что ты дѣлаешь со мною, Громобой! Видишь, какъ меня истязаютъ! — кричала женщина.

— Вижу! но я не знаю тебя, — сказалъ Громобой.

— Родная мать твоей жены, убитая ея отцомъ... Тебѣ не жаль меня: вотъ видишь эту рану, она и сейчасъ не зажила еще и ее бичуютъ до новыхъ ранъ.

— А тебѣ не жаль меня, что я по твоей жестокости долженъ былъ продать душу сатанѣ и томиться, какъ здѣсь на землѣ, такъ же мучиться, какъ и ты теперь, послѣ смерти.

— Но душа твоя не возвратится изъ рукъ дьявола, ты напрасно прибавляешь мнѣ адскихъ страданій. Ты и такъ своими добродѣтелями дополнилъ мою муку; смотри: колодка на шеѣ, ежеминутное бичеваніе этими плетьми, развѣ это не больно мнѣ? Оставь свои напрасныя требованія, неужели мнѣ изъ-за твоихъ прихотей удесятерить свои вѣчныя страданія? Женщина застонала, и бичеваніе усилилось.

Нѣтъ, жестокая женщина, ты заслужила это наказаніе земными злодѣяніями, если ихъ любила болѣе, чѣмъ добродѣтель; я же, напротивъ, ищу возвратить себѣ милость правосуднаго Творца, и когда достигну этого, то буду просить о тебѣ Его безпредѣльное милосердіе.

Сильное бичеваніе, скрежетъ зубовъ и звонъ цѣпей послышались въ отвѣтъ на послѣднія слова Громобоя, и онъ опять проснулся. Стараясь запомнить отъ слова до слова все имъ видѣнное, онъ тотчасъ передалъ свое видѣніе одному изъ ночныхъ читальщиковъ, и тотъ, сказавъ въ отвѣтъ: «Молись и вѣрь благости Божіей», вышелъ для передачи прочимъ старцамъ.

Вѣра въ милосердіе Божіе и надежда на освобожденіе изъ рукъ дьявола усилили въ Громобоѣ неутомимость. Два дня не ѣлъ Громобой, на третій, проглотивъ нѣсколько сухихъ плодовъ, продолжалъ моленіе; ноги его едва держались, колѣни опухли и горѣли какъ въ огнѣ, сердце билось, глаза не просыхали отъ слезъ, съ которыми онъ возносилъ свою молитву. Прошелъ еще день, или сутки; на этотъ вечеръ вошли всѣ отшельники и оставались во всю ночь продолжать хвалебныя пѣсни, а одинъ изъ нихъ читалъ какую-то книгу. Пѣніе было тихое, благоговѣйное.

Наступила минута, когда Громобой, отягченный трехдневнымъ бдѣніемъ, не могъ выдержать наравнѣ съ прочими отшельниками моленія и такъ же, какъ и прежде этого, заснулъ.

Въ минуту его забвенія предъ нимъ предсталъ страшный Веельзевулъ съ сонмомъ духовъ, но уже не такъ близко, какъ прежде. Онъ держалъ въ рукахъ цѣпи, на которыхъ металась изуродованная бичеваніемъ тѣнь матери Натальи съ пѣною у рта.

— Видишь ли, какія муки принимаетъ она, виновница твоей погибели?—кричалъ Веельзевулъ, держа въ рукахъ росписку Громобоя.

— Вижу и молю Всемогущаго Бога, чтобы Онъ мнѣ простилъ мои согрѣшенія и возвратилъ мою душу изъ твоихъ когтей.

— Ты хочешь этого? Но какой же цѣной ты хочешь выкупить свое рукописаніе?

Вдругъ взвилось свѣтлое облако, и три святыя дѣвы: Вѣра, Надежда и Любовь, стали близъ Громобоя.

— Богъ простилъ его, и ты не имѣешь права болѣе держать у себя его рукописаніе.

Ударилъ громъ, демонъ съ женщиною и сонмомъ своихъ клевретовъ пропалъ, святыя дѣвы также. Громобой проснулся...

Обратясь лицомъ къ Громобою, стояли пустынники съ веселыми лицами, воспѣвая хвалебныя пѣсни. На полу лежало рукописаніе, которое Громобой шестнадцать лѣтъ назадъ отдалъ дьяволу.

— Вотъ, сынъ мой, видишь ли, какъ свята и какъ сильна молитва каждаго, кто хочетъ усердно молиться; вѣрь и передай своимъ дѣтямъ и внукамъ, что молиться никогда не поздно, и что Го-

сподь никогда не отказывалъ тѣмъ, кто имѣетъ надежду на Бога и любитъ Его.

Одинъ изъ отшельниковъ взялъ кусокъ полотна, завернулъ въ него рукописаніе и съ молитвою сжегъ его въ виду всѣхъ.

Поблагодаривъ Господа за его избавленіе, онъ спросилъ старцевъ, что ему теперь дѣлать: возвратиться домой или оставаться съ ними, такъ какъ великая радость Божьяго милосердія уже указала ему на великое значеніе добродѣтельной жизни и сподвижничества.

— Прежде всего, сынъ нашъ, тебѣ нужно ѣхать домой и заботиться о томъ, чтобы дѣлами добродѣтели ты могъ показать другимъ примѣръ и также обрадовать свою семью своимъ скорымъ, чудеснымъ спасеніемъ. Но не забывай, что врагъ, можетъ быть, будетъ изыскивать средства нарушить твое счастіе. Берегись! И въ счастіи и въ несчастіи не унывай, а помни это событіе, которое говоритъ о Божьемъ неистощимомъ милосердіи.

Получивъ отъ каждаго изъ старцевъ особенное благословеніе, онъ оставилъ ихъ и опять пошелъ по длиннымъ переходамъ, путеводимый пустынникомъ Предиславомъ.

Разставаясь со старыми отшельниками, онъ кланялся имъ, лобызалъ ихъ руки и ноги, но отшельники строго запретили ему это, говоря, что поклоняться нужно одному Богу.

ГЛАВА VIII.

Новая жизнь. — Любовь Всеслава. — Колдунья и страшный Лютоборъ.

Ожилъ Громобой и помчался на своемъ богатырскомъ конѣ, словно помолодѣлъ на десять лѣтъ. Просвѣтлѣла его тоскующая душа, словно укрѣпленная благодатію. Пропали укоры совѣсти, пропала тоска, которая глодала его сердце. Такъ всегда свѣтло и весело на душѣ праведника, который не знаетъ укоровъ совѣсти.

Вотъ уже свѣтлѣютъ верхи новгородскихъ храмовъ. «Скоро, скоро, думаетъ Громобой, я увижу родную семью и обрадую вѣрную супругу».

Въ самомъ дѣлѣ, на высокой башенкѣ терема Громобоя каждый день просиживала Наталья съ своимъ сыномъ, дожидаясь мужа, котораго она искренно любила, а сынъ ея ожидалъ отца, красу и честь Новгорода.

Вдругъ завидѣли они вдали пыль, и скоро всадникъ, въ золотой бронѣ, на гнѣдомъ конѣ, сталъ ясно виденъ на дорогѣ.

— Милый Всеславъ! смотри, никакъ это нашъ любезный отецъ?

— Да, матушка, это точно онъ.

— Поди, встрѣчай скорѣй и вели сѣдлать коня!—торопилась его мать.

Въ двѣ минуты конь былъ осѣдланъ, и два богатыря встрѣтились и обнялись. Сынъ не зналъ тайны; но супруга, какъ только хотѣла выйти изъ свѣтлицы, мгновенно радость превратилась въ сомнѣніе, и у ней подкосились ноги. «Кто знаетъ, можетъ быть, онъ не могъ успѣть, что всего вѣрнѣе? Кто знаетъ, можетъ быть, противъ такого грѣха нѣтъ спасенія?»

Но вотъ съ свѣтлымъ, радостнымъ лицомъ, молодцомъ входитъ въ свѣтлицу Громобой. Лишь только взглянула на него красавица-жена, какъ тотчасъ сердечно поняла уже, что онъ не напрасно воспользовался ея совѣтомъ.

Послѣ первой радости свиданія, оставшись съ женою наединѣ, онъ ей разсказалъ о всей тяжести его исповѣди и молитвы, о чудеснѣйшемъ заступничествѣ отшельниковъ, о странныхъ ночныхъ видѣніяхъ, о дивномъ могуществѣ и милосердіи Творца.

Вскорѣ потомъ совершено было по этому случаю благодарственное молебствіе, и Громобой далъ себѣ обѣщаніе построить на мѣстѣ обители отшельниковъ новую, въ память чудодѣйствія.

Прошло лѣтъ шесть. Громобой совершенно ожилъ духомъ и возмужалъ тѣломъ, такъ какъ прежде горесть его быстро склоняла къ могилѣ.

Но дьяволъ не дремалъ и готовилъ новыя козни.

Всеславъ мужалъ не по годамъ, и когда ему минуло двадцать лѣтъ, то не было ему равнаго по уму, красотѣ и молодечеству.

Прогуливаясь по улицамъ новгородскимъ, онъ примѣтилъ одну красавицу. Примѣтивъ одинъ разъ, онъ сталъ искать случая видѣть ее въ другой и третій разъ; такимъ путемъ у него запала въ молодое неопытное сердце любовь; молодой Всеславъ нашелъ случай видѣться съ красавицей, но гордая новгородка, несмотря на его красоту, отвергла эту любовь, сказавъ: — «Нѣтъ, витязь! мнѣ ли, простой гражданкѣ, любиться съ тобою; ищи себѣ равную».

Она была права: въ то время народныя касты были рѣзко разграничены, и, разумѣется, эта разграниченность была вездѣ принимаема въ соображеніе, а особенно въ бракахъ.

Отказъ былъ оскорбителенъ и рѣзокъ для такого, какъ онъ, витязя.

— Погоди же: найду тебя, красавица, не убѣжишь отъ меня, думалъ Всеславъ и сталъ изыскивать какіе-нибудь способы, чтобы дѣвица полюбила его.

Встарь не такъ было, какъ теперь это ведется; скорѣе всего прибѣгали въ дѣлѣ любви къ колдунамъ да ворожеямъ, въ дѣлѣ мщенія — къ мечу да огню, а въ тонкости не входили.

Прежде всего Всеславъ бросился къ колдуньѣ, ища совѣта.

На берегу Волхова, на высокомъ, выдавшемся в берега утесѣ, была старая рыбачья избушка, въ которой жилъ давнымъ-давно рыбакъ, но умеръ, и избушка, никѣмъ не занятая, долгое

время стояла такъ, безъ всякаго назначенія, и сѣверный вѣтеръ хлопалъ ея дверью, пугая прохожихъ ночью, и свистѣлъ, гуляя по ея угламъ, въ пузырную оконницу.

Въ этой то избушкѣ и поселилась какая-то прохожая нищая, которая промышляла по городу подаяніемъ, гаданіемъ на рукѣ, бобахъ, на водѣ и, наконецъ, ворожбою. Скоро всѣ новгородцы узнали о досужествѣ старухи, и кто избѣгалъ ее, а кто искалъ случая къ знакомству.

Она отличалась вѣрнымъ угадываніемъ и большими знаніями въ чародѣйствѣ.

Вотъ къ этой-то старухѣ, мозглявой, дряблой и желтой, какъ рыжикъ, отправился молодой Всеславъ, чтобы попросить колдунью поискать средства, нельзя ли какъ - нибудь обратить къ нему сердце дѣвушки.

— Что тебѣ надоть, родимый?—спросила старуха, встрѣтивъ сына воеводы на порогѣ своей лачуги.

— Ты, говорятъ, ворожишь, бабушка, такъ я хочу попросить тебя: погадай мнѣ малую толику!

— Отчего же не погадать: отъ услуги не слѣдъ отказываться,—сказала старуха, раскидывая на столѣ въ безпорядкѣ бобы. На кого тебѣ? чай, на дѣвушку?

— Да, на дѣвушку.

— Такъ, такъ! Дѣвушка бѣлокурая, такъ жеманная, съ голубенькими глазками, розовыми щечками...

— Ну, да, да! Я ее знаю и самъ не хуже тебя... перебилъ Всеславъ. Ты скажи, любитъ ли она меня?

— Погоди, желанный, до всего доберуся, не торопись.—И колдунья медленно перекидывала и раскидывала бобы по столу.

— Ну, что же, скоро ли?

— Любить-то ты ее больно любишь.

— Это я и самъ знаю, что люблю, а вотъ она-то меня любитъ ли, скажи?

— Ну, опоздалъ маленько, родимый; сердечко-то ея другому отдано.

— Какъ такъ?

— Влюбилась въ молодца, который хоть тебя не краше, да ей милѣе; знаешь ли ты одну пословицу: «пришелся по сердцу молодчикъ—не по хорошу милъ, а по милу хорошъ».

Всеславъ сжалъ кулаки, глаза его заблистали гнѣвомъ.

— Да развѣ я чѣмъ хуже всякаго другого въ Новгородѣ, чтобы меня не полюбить?—куражился Всеславъ.

— Сердцу не укажешь; оно лицемѣрить не умѣетъ, храбрый витязь.

— Я убью того, который захочетъ овладѣть тою, которую я полюбилъ.

— Онъ овладѣлъ ранѣе тебя, такъ поэтому ты виноватѣе.

— Да вѣдь я сынъ перваго богатыря и воеводы Громобоя.

— Что же такое, хоть бы самого князя кіевскаго? Силою милымъ не быть.

— Такъ ты мнѣ посовѣтуй, добрая старушка,

какъ помочь моей бѣдѣ; мнѣ смерть: я не вижу покоя ни днемъ, ни ночью.

— Да что жъ отбивать у другого? Развѣ мало красавицъ на бѣломъ свѣтѣ?

— Да чего ты тамъ умничаешь? Если тебя просятъ, такъ ты должна помогать,—сказалъ молодой человѣкъ.

— Пожалуй, я и на то готова: дамъ тебѣ такого снадобья, что стоитъ только раза три на нее взглянуть, такъ и полюбишься.

— Ну, такъ давай же сейчасъ, да поскорѣе, старая корга, а то, пожалуй, дома станутъ искать.

— Погоди, не изволь торопиться, а то и завтра придешь,—говорила старуха, едва поворачиваясь отъ старости.

Старуха медленно вправила лучину, плохо горѣвшую отъ сквозившаго волховскаго вѣтра въ щели, двери и окна. Потомъ развела на шесткѣ небольшой огонь, на который поставила горшокъ съ какимъ-то снадобьемъ. Молодой человѣкъ не обращалъ на ея работу никакого вниманія, потому что былъ углубленъ въ досадныя размышленія по поводу неудачи въ любви отъ соперника, ранѣе овладѣвшаго сердцемъ красавицы, и съ досадою щипалъ чуть пробивавшіеся усы.

— Скоро ли?—наконецъ спросилъ онъ, опомнившись отъ размышленія.

— Сейчасъ, мой витязь.

Старуха при этомъ подала ему маленькій горшечекъ съ какой-то мазью.

— Ну, вотъ тебѣ и снадобье; какъ только утромъ помажешь этой мазью лицо и потомъ смоешь его ключевою водой да утрешься досуха, такъ только бы увидала тебя, сразу ты ей понравишься, а какъ три раза увидитъ, такъ тогда совсѣмъ съ тоски изсохнетъ. Да, смотри, не говори про то, что я тебѣ дала. Ни, ни!

— Ну, вотъ еще!—отвѣчалъ Всеславъ.—Такъ больше мнѣ ничего дѣлать не надобно?

— Зачѣмъ? Помни только, что сказала.

Всеславъ выбросилъ старухѣ нѣсколько ногатъ и поспѣшно вышелъ, озираясь кругомъ, чтобы не замѣтилъ кто, зачѣмъ и куда онъ ходилъ.

Старуха, притворивъ за витяземъ дверь, какъ только того позволяло ея жилище, загасила огонь и, накинувъ на плечи овчинную шубу, ворча полѣзла на печь спать, захвативъ съ собою и ногаты, которые положила въ печурку, закрывъ кирпичемъ.

Лишь только она подъ обаяньемъ теплоты закрыла вѣжды и думала прикурнуть, какъ въ дверь ея хижины кто-то постучался.

— Кого это несетъ нелегкая, полуночная вольница?—ворчала старуха.—Кажется, теперь и другимъ нужно покой дать.—Ворча и сердясь, она сползла съ печи и, подойдя къ двери, сердито спросила:

— Кто тамъ? Полунощникъ! Чай, пора и честь знать... Што за шатанье объ эту пору?

— Отворяй, старая!.. Аль не слышишь по голосу, кто говоритъ?—слышался голосъ мужчины.

— И, родной! Милости просимъ, милости просимъ, твоей чести вездѣ и за всякъ день рады,— встрепенулась старуха, отворила дверь и торопилась зажигать лучину.

— Поскорѣе огня давай, я на два слова только пришелъ.

Лучина была зажжена и предъ полуиспуганной старухой стоялъ мужчина средняго роста, старикъ, закутанный въ охабень, въ черной бараньей шапкѣ. Ядовитый взоръ сверкалъ изъ-подъ нависшихъ бровей, крючковатый носъ выражалъ коварность, чему способствовали губы, какъ-то особенно выпятившіяся впередъ.

— Я узналъ сегодня, что къ тебѣ придетъ Всеславъ, сынъ Громобоя, и потомъ видѣлъ его сейчасъ. Чего онъ просилъ у тебя?

— Приворотнаго снадобья.

— И ты вѣрно дала?

— Дала, батюшка Лютоборъ, дала.

— Ну, а я тебѣ впередъ не совѣтую.

— Слушаю, батюшка, слушаю, какъ мнѣ тебя не слушать.

— Силу этого снадобья я сейчасъ же уничтожилъ, и оно будетъ недѣйствительно для Всеслава.

— Да почему же, батюшка нашъ Лютоборъ, ты отбиваешь хлѣбъ отъ меня, старухи? Да по мнѣ ты хоть Новгородъ перенеси куда-нибудь на море океанъ, мнѣ ни по чемъ! А моему-то дѣлу, родимый, не мѣшай.

— Молчать!..—вскричалъ сердито незнакомецъ.

— Слушаю, слушаю, я супротивничать противъ тебя не могу...—И старуха, говоря это, дрожала тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Знаешь ли, что если Всеславъ влюбился въ молодую Свѣтлану, то это было мое желаніе: я хотѣлъ этого,—сказалъ колдунъ Лютоборъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не вѣдаю этого.

— Ну, такъ знай: я сдѣлалъ такъ, что онъ влюбился до безумія въ Свѣтлану, когда она смертельно влюблена въ другого, и никакая сила, кромѣ меня, не разрушитъ любовь Свѣтланы.

— Да зачѣмъ это?—спросила старуха, думая о томъ, что интересъ ея тѣмъ и кончится, что она получила за одинъ разъ нѣсколько ногатъ.

— А развѣ ты не догадываешься?

— Какъ я могу догадаться, мой добрый Лютоборъ?

— Дѣло вотъ въ чемъ: отецъ Всеслава, славный богатырь Громобой, двадцать лѣтъ назадъ продалъ свою душу дьяволу, и потомъ посредствомъ молитвъ отшельниковъ ему было возвращено рукописаніе. Это чрезвычайно озлобило Веельзевула, и онъ обѣщался, если не его, такъ душой сына его Всеслава завладѣть всенепремѣнно, и поручилъ мнѣ воспользоваться случаемъ, чтобъ оказать ему эту услугу. Теперь понимаешь, что ты сама должна содѣйствовать мнѣ въ этомъ.

— Очень рада, очень рада сослужить службу его мрачности.

— То-то и есть. Такъ помни, старая корга,

и содѣйствуй всѣми мѣрами: мнѣ ты этимъ окажешь услугу.

Лютоборъ ушелъ при поклонахъ старухи, которая долго смотрѣла вслѣдъ за Лютоборомъ и потомъ со вздохомъ полѣзла на печь.

ГЛАВА IX.

Неудача.—Волшебный клубокъ.

Получивъ отъ старухи-ворожеи завѣтное снадобье, Всеславъ торопился домой, чтобы испытать надъ собой благодѣтельный опытъ.

Придя домой, онъ тотчасъ спряталъ подальше отъ всѣхъ завѣтный горшокъ и тотчасъ завалился спать въ пріятныхъ надеждахъ на будущее.

Раннимъ утромъ проснулся Всеславъ и, прежде чѣмъ умыться, употребилъ въ дѣло свою мазь по предписанію, данному старухою. Всеславъ, какъ молодой человѣкъ, никогда не знавшій обмановъ, вѣрилъ, какъ и всѣ люди того времени, въ силу чародѣйства болѣе, чѣмъ въ настоящее, видимое предъ глазами, и потому былъ убѣжденъ, что хотя не сразу, но ворожба старухи будетъ дѣйствительна.

Оказалось, какъ и можно было думать, что снадобье никуда не годилось. На первый разъ Свѣтлана, взглянувъ на него, поморщилась, на

второй день—отвернулась, а на третій разъ погрозилась и сказала:

— Не ходи мимо моихъ оконъ, Всеславъ; не буду любить тебя никогда, никогда.

Горько стало Всеславу и досадно: ему ли, витязю, красавцу, воеводскому сыну, терпѣть такую обиду отъ дѣвушки, да еще притомъ простого происхожденія? А дѣлать было нечего и жаловаться некому; каждый скажетъ: «не по себѣ дерево не руби и дѣвушку не губи».

— Да что же это такое?—спрашивалъ самъ себя Всеславъ, склонивъ у стола на ладонь свою буйную голову.—Али, я, молодецъ, не знатенъ, не богатъ, не уменъ, и не красивъ, что мнѣ нѣтъ удачи въ томъ, что мнѣ хочется? Я не мыслю ничего себѣ, и зла у меня на умѣ вовсе нѣтъ. Эхъ, горе мое лютое, безысходное; видно, такова судьбина горькая! Погожу же я, что-то будетъ далѣе, потерплю: не остынетъ ли мое сердце бѣдное къ этой гордой дѣвушкѣ?

Пострадалъ весь день добрый витязь Всеславъ, съ лица спалъ, какъ его кликнулъ отецъ его, Громобой; сынъ вошелъ, и отецъ съ матерью подозвали его къ себѣ.

— Слушай, Всеславъ, нашъ любезный сынъ,—сказалъ отецъ:—по волѣ Творца и Его святыхъ угодниковъ, мнѣ Господь оказалъ вышнюю благость и даровалъ Свое прощеніе за грѣхи, о которыхъ тебѣ знать не слѣдуетъ. Я силенъ и богатъ, потому имѣю возможность, кромѣ молитвы

и поста, приносимыхъ мною Богу, оказывать во имя Его благодѣянія бѣднымъ и несчастнымъ. Я теперь вознамѣрился также построить обитель въ благодареніе за мое спасеніе и потому приказываю тебѣ собираться вмѣстѣ со мною, такъ чтобы завтра чуть свѣтъ быть тебѣ на конѣ и въ путь.

Всеславъ при этомъ понурилъ голову.

— Какъ, батюшка, въ дорогу? Мнѣ что-то неможется. Нельзя ли остаться?

— Поѣдешь со мною, такъ, можетъ быть, тебя скорѣе облегчитъ благодать Божія. Никто какъ Богъ!

— Такъ-то, такъ, родимый! Да не лучше ли тебѣ подождать, пока немочь пройдетъ.

— Впрямь, Всеславушко, сынокъ мой любезный; что жъ ты ранѣе намъ не сказалъ; что у тебя болитъ?

— Весь немочёнъ, отъ ѣды отбило... Ни спать, ни ходить не въ силахъ,—отвѣчалъ Всеславъ, всплакнувъ.

— Ну, батька, коли такъ, то лучше будетъ, если денекъ-другой подождать; можетъ быть, потрудился, или такъ съ глазу. Погодите, а то я надумаюсь.

— Быть такъ,—сказалъ Громобой, не понимая, что за болѣзнь такая приключилась съ его сыномъ.

А Всеславъ, между тѣмъ, думалъ: «А я пока попытаю еще у старой колдуньи снадобья покрѣпче того, которое она мнѣ дала».

И въ самомъ дѣлѣ, продумавъ всю ночь, онъ

рѣшился еще до зари сходить опять къ своей покровительницѣ, въ ожиданіи будущаго счастія. Наступило раннее утро. Подъ видомъ прогулки по берегу Волхова, вышелъ Всеславъ на берегъ и отправился къ извѣстному ему утесу, гдѣ постучался въ дверь колдуньи.

Старуха отперла и не безъ страха приняла Всеслава.

— Что тебѣ, родимый?

— Опять къ тебѣ, бабка. Ты, знать, меня обманула своимъ снадобьемъ?

— Нѣтъ, я не обманула; всѣ, кто ни пользовался моими совѣтами и помощью, не жаловали меня недобрымъ словомъ.

— Такъ отчего же твое снадобье не подѣйствовало?—спросилъ грозно Всеславъ, устремивъ взоръ на колдунью.

— Почемъ я знаю; нужно гадать.

— Ну, такъ гадай поскорѣе: я ждать долго не могу.

— Изволь, кормилецъ! Только не горячись: я вѣдь не мать и не родня твоей зазнобѣ, норова ея не знаю; можетъ быть, она тебѣ и не пригодна.

Говоря это, ворожея раскинула свои бобы и, вглядываясь въ расположеніе ихъ, качала сомнительно головою.

— Ну, что?—спросилъ нетерпѣливо молодой витязь.

— Твое дѣло плоховато.

— Что такъ... Да ну же, говори!..

— Слышишь ты, тутъ мои средства не помогутъ, хоть и сильны.—И старуха устремила пытливый взоръ на молодца.

Витязь вспыхнулъ отъ нетерпѣнія и неожиданной вѣсти.

— Такъ что же ты, старая вѣдьма, сразу не сказала объ этомъ?

— Да ты дай мнѣ хорошенько до конца разсмотрѣть; можетъ быть, и твое дѣло, какъ говорятъ, выгоритъ. Не сбивай съ толку.

— Ну, я молчу.

Старуха долго перекладывала свои бобы и, наконецъ, сказала:

— Слушай, нетерпѣливый молодецъ, что я тебѣ скажу, если хочешь знать; только не перебивай.

— Говори, говори, буду молчать.

— Тебѣ этой дѣвицы не видать, какъ ушей своихъ, слышишь!.. Ею овладѣть никакимъ колдовствомъ не доводится: она такъ богомольна и набожна, что отъ нея всѣ наши прочь на тридцать поприщъ. Вотъ что?

— Такъ какъ же мнѣ быть?

— Такъ если ты будешь къ ней приставать, ничего не получишь, кромѣ обиды да непріятности.

Витязь поблѣднѣлъ. Ударъ былъ силенъ и рѣшителенъ. Онъ опустилъ голову на ладонь руки и, потомъ опершись на колѣно, долго думалъ; коварная колдунья наблюдала за движеніемъ его физіономіи.

— Такъ, стало быть, дѣло кончено?—спросилъ онъ послѣ размышленія.

— Да.

— Такъ что жъ ты за колдунья, если не можешь помочь мнѣ?

— Ты, богатырь, силенъ, а можетъ быть, гдѣ-нибудь сильнѣй тебя есть, а есть витязи, которыхъ ты побѣдилъ. Стало-быть, не у каждаго силы равны, не правда ли?

— Правда.

— Ну, вотъ и я также. Есть ворожея хуже меня, а есть доки сильнѣе меня.

— Есть, ты говоришь?

— Есть.

— Ты знаешь, гдѣ есть такія?

— Знаю.

— Такъ сдѣлай же милость, укажи мнѣ на такого доку, который бы помогъ моей бѣдѣ.

— Не лучше ли, храбрый молодецъ, оставить это дѣло? Трудно, больно трудно тебѣ.

— А! ты принимаешь... ну, ладно.. ты боишься, что я тебѣ не заплачу? Такъ на же тебѣ, только хоть тѣмъ услужи, что укажи мнѣ, гдѣ живетъ тотъ, кто можетъ помочь мнѣ!—И съ этими словами Всеславъ вынулъ кошелекъ съ золотомъ.

Колдунья того и ждала, такая подачка ей была за рѣдкость. Это могло служить ей вѣчнымъ, неистощимымъ капиталомъ, и она, высыпавъ на ладонь монеты, снова пересчитала ихъ, потомъ взвѣсила на рукѣ, и, наконецъ, каждую попробо-

— Такъ, стало быть, дѣло кончено?—спросилъ онъ послѣ размышленія.

— Да.

— Такъ что жъ ты за колдунья, если не можешь помочь мнѣ?

— Ты, богатырь, силенъ, а можетъ быть, гдѣ-нибудь сильнѣй тебя есть, а есть витязи, которыхъ ты побѣдилъ. Стало-быть, не у каждаго силы равны, не правда ли?

— Правда.

— Ну, вотъ и я также. Есть ворожея хуже меня, а есть доки сильнѣе меня.

— Есть, ты говоришь?

— Есть.

— Ты знаешь, гдѣ есть такія?

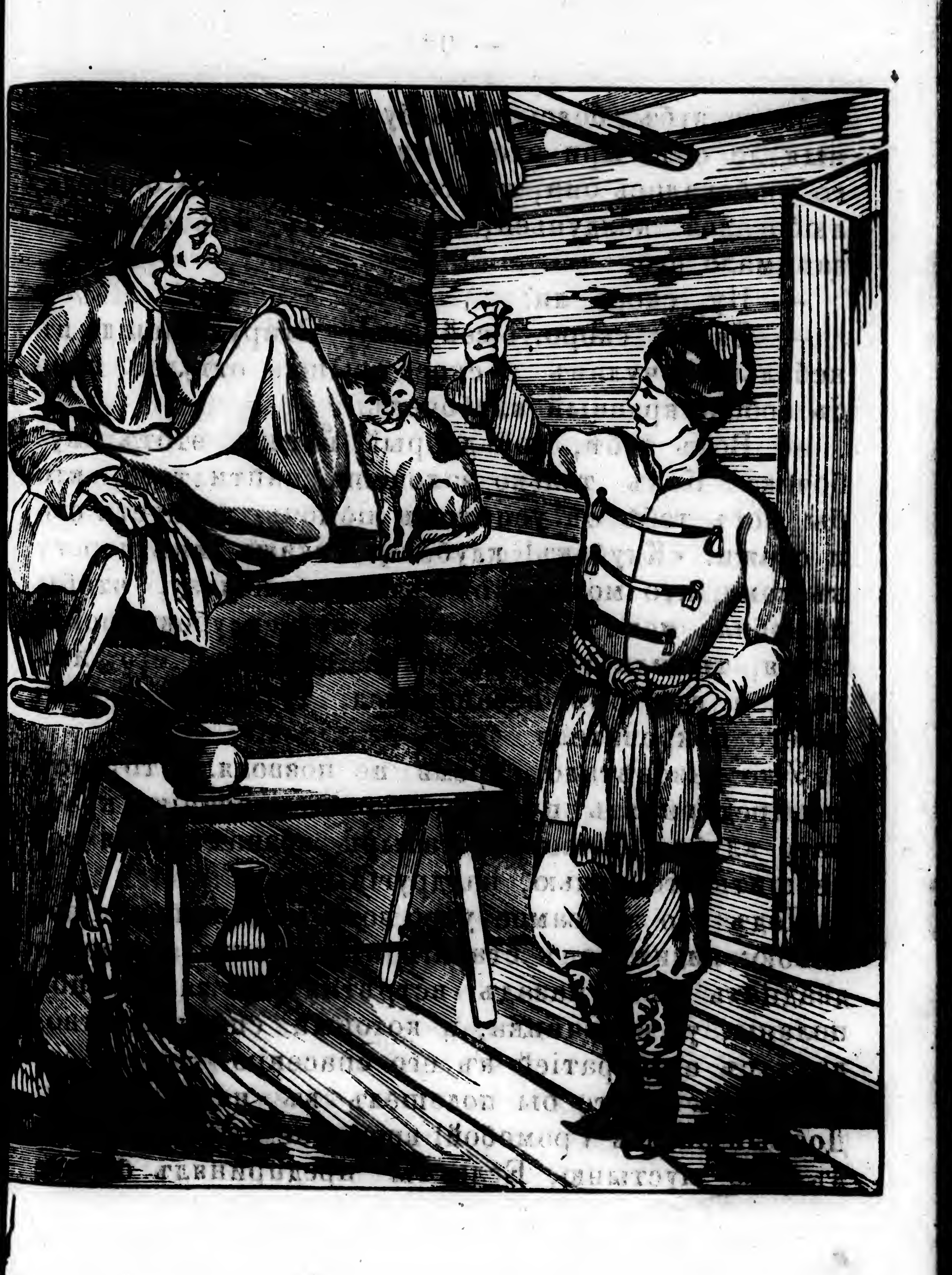
— Знаю.

— Такъ сдѣлай же милость, укажи мнѣ на такого доку, который бы помогъ моей бѣдѣ.

— Не лучше ли, храбрый молодецъ, оставить это дѣло? Трудно, больно трудно тебѣ.

— А! ты принимаешь... ну, ладно... ты боишься, что я тебѣ не заплачу? Такъ на же тебѣ, только хоть тѣмъ услужи, что укажи мнѣ, гдѣ живетъ тотъ, кто можетъ помочь мнѣ!—И съ этими словами Всеславъ вынулъ кошелекъ съ золотомъ.

Колдунья того и ждала, такая подачка ей была за рѣдкость. Это могло служить ей вѣчнымъ, неистощимымъ капиталомъ, и она, высыпавъ на ладонь монеты, снова пересчитала ихъ, потомъ взвѣсила на рукѣ, и, наконецъ, каждую попробо-

вала на зубъ, боясь какъ будто того, не деревянныя ли онѣ. При этомъ старуха улыбалась. Долго любовалась она, и Всеславъ, въ свою очередь, любовался колдуньей, такъ какъ это зрѣлище занимало его.

— Ну, скоро ли?

— Скоро, скоро... сейчасъ!—Старуха пошла въ небольшой чуланъ и скоро вышла оттуда, неся съ собою красный клубочекъ.

— Вотъ тебѣ, мой добрый витязь, этотъ клубочекъ. Какъ только захочешь найти того, кто бы могъ тебѣ съ успѣхомъ помочь, то пусти его и скажи: «Клубокъ! клубокъ! покажи мнѣ дорогу къ тому, кто можетъ оказать мнѣ пользу, чтобы полюбила меня Свѣтлана», и куда клубокъ покатится, ты иди туда же и не выпускай его изъ виду, а гдѣ онъ остановится, тутъ ты и ищи своего покровителя.

Уже разсвѣтало; время не позволяло тотчасъ же предпринять путешествіе по указанію краснаго клубка, и вотъ богатырь вознамѣрился совершить его ночью, на другія сутки.

Подъ это же самое утро вотъ что снилось Громобою: видитъ онъ стараго отшельника, котораго двадцать лѣтъ назадъ встрѣтилъ у заповѣдной поляны, у источника, и который способствовалъ съ его братіей къ его спасенію. Этотъ отшельникъ будто бы подошелъ къ нему, говоря: Добрый витязь Громобой! время не ждетъ, спѣши въ мою пустыню. Если ты предпринялъ благое

намѣреніе построить намъ удобное жилище, то мы не прочь отъ твоего благодѣянія, и готовы съ своей стороны, несмотря на немочи наши, молиться за тебя, какъ и посейчасъ молимся. Спѣши, говоритъ, къ намъ немедля, каждое мгновеніе дорого. Спѣши, спѣши исполнить свое намѣреніе! Старецъ благословилъ его и пропалъ.

Громобой проснулся, и тотчасъ же приказалъ готовить коня къ отъѣзду.

— Время не терпитъ,—сказалъ онъ женѣ;—меня призываетъ святой обѣтъ, который я долженъ исполнить и приступить тотчасъ.

— Съ Богомъ! Но какъ же Всеславъ?

— Всеславъ? Если онъ здоровъ, то пусть со мною отправляется, а если нѣтъ, то пусть остается. Позовите сына.

Служитель пошелъ и встрѣтилъ его только что возвращающагося съ клубкомъ.

— Тебя спрашиваетъ отецъ твой, бояринъ.

— Какъ твое здоровье, Всеславъ, можешь ли ты ѣхать со мною?—спросилъ Громобой сына.

— Нѣтъ, батюшка, я еще слабъ.

И дѣйствительно, мучительная безсонница и потеря аппетита, вслѣдствіе сильной любви, испортили его красивое лицо, полное жизни и румянца.

— Ну, такъ оставайся дома, я и безъ тебя управлюсь съ дѣломъ.—Воевода Громобой приказалъ своему вѣрному служителю осѣдлать богатырскаго коня, подать себѣ доспѣхи и оружіе, такъ какъ путь былъ не легокъ, и въ сопровожденіи

своего слуги, везшаго за нимъ съѣстные припаск и кожаную кису съ золотомъ, отправился въ путь простясь съ женою и сыномъ, получивъ напутствіе новгородскаго епископа.

Но пусть ѣдетъ нашъ храбрый и набожный Громобой съ своимъ вѣрнымъ служителемъ Ваской, а мы возвратимся въ его семейство.

ГЛАВА X.

Клубокъ-вожакъ.—Испугъ матери.—Встрѣча Громобоя.

Нѣжная мать не спускала глазъ съ своего сына во весь день и горевала. Она не понимала, что значила такая перемѣна съ ея дорогимъ Всеславомъ. Счастливая жизнью и довольствомъ, она боялась, что болѣзнь нѣжнаго единственнаго сына нарушитъ ея покой.

— Кто знаетъ,—думала она,—можетъ быть, за грѣхи мои Господь лишаетъ меня этой отрады, которую мнѣ приноситъ мой сынъ. Двадцать лѣтъ мы любовались имъ, онъ былъ краса города, а между тѣмъ, что съ нимъ сталось въ такое короткое время.

Нѣсколько разъ она спрашивала Всеслава, но онъ отказывался незнаніемъ, а между тѣмъ думалъ:

— Милая матушка! да развѣ такія вещи вамъ

довѣряются? Погоди! скоро поправлюсь я, только дай мнѣ достать мою Свѣтлану!

Наступилъ вечеръ, и, подъ предлогомъ прогулки по городу, Всеславъ вышелъ на берегъ Волхова пѣшкомъ. Онъ не зналъ, близко или далеко поведетъ его клубокъ, и потому не позаботился о лошади, только не забылъ захватить съ собою кошелекъ съ деньгами, такъ какъ онъ зналъ, что нигдѣ нельзя получить услугу безъ платы.

Онъ бросилъ впередъ клубокъ, и тотъ покатился довольно медленно, какъ бы сообразуясь съ шагами Всеслава.

— Какой умный клубокъ,—подумалъ онъ.—Сейчасъ видно, что волшебный; любопытно посмотрѣть, куда онъ меня поведетъ.

Клубокъ не останавливается, и вотъ нашъ путникъ на краю Новгорода, вотъ уже на большой дорогѣ.

— Какъ, я уже за городомъ! Неужели такъ далеко должно идти? Но дѣлать нечего.

Наступила лѣтняя ночь, свѣтлая, спокойная. А клубокъ все бѣжитъ и горитъ, какъ свѣчка, такъ что никакъ не можетъ его потерять изъ глазъ богатырь. И все идетъ впередъ.

— Что за чудо, вотъ уже мы съ клубкомъ прошли болѣе десяти верстъ, а все еще нѣтъ конца; вотъ уже ночь; меня будутъ искать; но можетъ быть, путь не далекъ, пойду далѣе,—думалъ Всеславъ, и все шелъ за огненнымъ клубкомъ. Промелькнули по дорогѣ нѣсколько селеній ему знакомыхъ,

широкихъ луговъ, полянъ, рощъ, а огненный клубокъ не останавливается и все катится впередъ... Вотъ подернуло облакомъ луну, ночь затуманилась, а огненный клубокъ ведетъ его дремучимъ лѣсомъ и освѣщаетъ ему мрачный путь... Выбрались на поляну, обходятъ болото... Они вышли на дорогу... гора; клубокъ бѣжитъ въ гору. Витязь устаетъ.

— Что мнѣ дѣлать? Куда ведетъ меня клубокъ? Прошелъ далеко... Ужъ не вернуться ли? Дома осталась мать; она одна; можетъ, плачетъ... Но нѣтъ, у меня на сердцѣ Свѣтлана, впереди вожакъ. Иду!..—Онъ опять идетъ впередъ. Но вотъ ноги подкашиваются; свѣтаетъ, а онъ все идетъ. Наконецъ, усталость одолѣваетъ. Но какъ остановить клубокъ, который можетъ пропасть?—Постой!—подумалъ онъ,—если клубокъ волшебный, онъ, можетъ быть, пойметъ мой голосъ.

— Стой, клубокъ! Я отдохну!—и вотъ послушный клубокъ останавливается. Всеславъ схватилъ его и повалился на мягкую траву, гдѣ и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Наступило позднее утро, когда проснулся молодой искатель приключеній, подбросилъ опять свой клубокъ, проговорилъ условныя слова и пошелъ далѣе. Слѣдуя за нимъ, на сей разъ онъ досадовалъ, что не зналъ дальности пути и не запасся конемъ; но ежеминутно разсчитывая, что вотъ-вотъ, сейчасъ конецъ дорогѣ, онъ проходилъ огромныя пространства, и не видалъ конца своему путе-

шествіе въ теченіе нѣсколькихъ дней. Не зайдя такъ далеко, онъ уже не находилъ полезнымъ возвратиться назадъ безъ всякаго толка, и рѣшился продолжать путь, почуя и покупая съѣстные припасы на дорогѣ; онъ радъ былъ тому, по крайней мѣрѣ, что зналъ, какъ останавливать клубокъ, когда того требовала необходимость. Проходили они огромные густые лѣса, переплывали рѣки, проходили не только луга, но и степи, и вотъ, наконецъ, въ одномъ изъ обширныхъ лѣсовъ, почти дѣвственныхъ, до которыхъ не касался топоръ человѣка, клубокъ достигнулъ одной изъ горныхъ пещеръ, передъ дверью которой остановился клубокъ.

Сердце Всеслава вздрогнуло.

— А, такъ вотъ гдѣ мнѣ должно искать своего счастія,—подумалъ онъ и робко постучался въ дверь пещеры.

Пусть Всеславъ стучитъ, а мы заглянемъ, что дѣлается съ прочими нашими героями.

Одинокая мать, долго ожидая сына ужинать и не дождавшись, послала искать его по Новгороду всѣхъ слугъ своихъ; но поиски были напрасны, хотя и видѣли его новгородцы въ разныхъ мѣстахъ, что онъ шелъ по городу, но никто не находилъ нужнымъ спрашивать его.

Слуги возвратились домой съ тѣмъ же, съ чѣмъ и ушли, и мать легла спать, думая, что сынъ ея гдѣ-нибудь въ веселой компаніи заговорился съ товарищами.

На утро другого дня, не видя возвратившимся своего сына, она опять посылала къ знатнымъ новгородцамъ разведать, но тѣ же печальныя вѣсти принесли ей вѣрные слуги. Тогда она нарядила нѣсколько конныхъ латниковъ и приказала имъ ѣхать по всѣмъ новгородскимъ путямъ и разспрашивать конныхъ и пѣшихъ, съ которыми только встрѣтятся, а также и въ селеніяхъ, не видалъ ли кто его; но и тѣ возвратились, говоря, что такого никто не видалъ, и даже на него похожаго. Это было справедливо потому уже, что, если припомнимъ, клубокъ велъ его различными путями: то лѣсомъ, то степью, то полями.

Мать Всеслава растерялась. Нѣсколько дней ожидала она возвращенія сына, и это такъ ее разстроило, что она лишилась аппетита и сна. Но благочестіе и вѣра въ Бога не оставили ея въ скорбныя минуты жизни. Она приказала запрячь колымагу и отправилась къ одному извѣстному въ то время благочестивому мужу за совѣтомъ, такъ какъ этотъ человѣкъ обладалъ даромъ прозорливости.

— Что, дочь моя, зачѣмъ явилась ко мнѣ?— спросилъ онъ Наталью.

Наталья разсказала все, что случилось послѣ отъѣзда Громобоя, то есть, что пропалъ ея сынъ, и она боится за его жизнь.

— Не бойся, дочь моя, за его жизнь, а бойся за душу.

— Я не понимаю тебя, святой отецъ.

— Молись за него, да укрѣпитъ его Господь. Молись за него... Его душа колеблется, обуреваемая врагомъ рода человѣческаго. Молись и къ молитвамъ твоимъ да приложатся молитвы друзей нашихъ.

— Такъ будетъ ли живъ онъ, святой отецъ?

— Молись, молись, молись! Время дорого. Пойди домой съ Богомъ, и молись Ему. Молись, молись, молись!

Не понимая такихъ краткихъ словъ старца и въ то же время слыша въ его словахъ какое-то понужденіе, основанное на близкой опасности, угрожающей любимому сыну, Наталья бросилась вонъ изъ кельи старца и поѣхала домой, гдѣ въ образной постоянно молилась нѣсколько дней, употребляя постную пищу и то въ необходимомъ количествѣ. Слуги удивлялись на свою боярыню, но никто не смѣлъ спросить о томъ; впрочемъ, весьма справедливо предполагая, что, вѣроятно, причиною тому утѣшеніе въ тоскѣ по близкомъ сердцу.

Совсѣмъ не такъ было съ Громобоемъ. Сильный витязь, въ позлащеной бронѣ и въ серебряной кольчугѣ, съ своимъ вѣрнымъ оруженосцемъ мчался по дорогѣ, съ сердцемъ полнымъ радости отъ близкаго свиданія съ своими избавителями, отрадною мыслью надежды—обрадовать ихъ своимъ богатымъ приношеніемъ. Казалось, кони ихъ также раздѣляли съ ними удовольствіе, и сами торопились достичь скорѣе той поляны и того разрушеннаго зданія, подъ которымъ скрываются люди, отказавшіеся отъ шумнаго свѣта для познанія и поклоненія свѣту истины.

Весьма мало останавливаясь въ дорогѣ, и то только для корма своихъ лошадей, они довольно скоро достигли поляны, въ которой жилъ пустынникъ Предиславъ.

Каково же было удивленіе обоихъ, когда, лишь соскочивъ съ коней, они увидѣли идущихъ къ нимъ навстрѣчу двѣнадцать пустынниковъ съ зажженными свѣчами. Они всѣ были облачены въ черныя рясы, съ непокрытыми головами; бѣлые ихъ власы развѣвались по вѣтру; но чистыя, блѣдныя ихъ лица сіяли радостнымъ, неземнымъ блаженствомъ. Босыя ноги, обнаженныя главы, скромныя одежды, опоясанныя простыми ремнями, нисколько не лишали ихъ достойнаго почтенія.

Подойдя къ Громобою, они сказали:

— Братъ нашъ, да благословитъ тебя Господь и да умножитъ твое счастіе и спасетъ тебя отъ опасностей за твое намѣреніе.

— Какъ, неужели вамъ извѣстно было, святые мужи, что я къ вамъ ѣду?

— Да — отвѣчали они. — Привяжите коней вашихъ и идите къ намъ за трапезу.

Всѣ вступили въ хижину пустынника Предислава и расположились вокругъ камня, гдѣ были сухія овощи, хлѣбъ и чистая, пріятная вода. Загасивъ свѣчи и молясь, сѣли они за этотъ столъ, и Громобой вкусилъ знакомой, но уже давно забытой пищи съ такою пріятностію, какъ будто то былъ лучшій новгородскій обѣдъ, которымъ онъ зачастую угощалъ посадника и знатныхъ новгородцевъ.

Баска, слуга его, также не могъ надивиться, отчего такая скудная пища могла имѣть такой вкусъ. Но скромность не позволяла допускать такихъ вопросовъ.

Когда столъ отшельниковъ былъ окончен, тогда всѣ, вставъ, поблагодарили Бога и, обратясь къ Предиславу, сказали:

— Братъ Предиславъ! ты всѣхъ насъ моложе, сослужи службу намъ и нашему брату Громобою.

— Знаю, братія, что это надо совершить и сейчасъ же исполню.

Старцы расположились отдыхать, а Предиславъ, вынувъ изъ угла своего шалаша военные доспѣхи, началъ ихъ на себя надѣвать.

— Что ты дѣлаешь, отецъ Предиславъ?—спросилъ Громобой.

— Да вотъ хочу попробовать, впору ли мнѣ эти доспѣхи и придутся ли по старымъ костямъ,—отвѣчалъ онъ шутя.

— Да къ чему же это?

— Къ тому, что не пригоже было бы пустыннику сидѣть на конѣ, а воину всегда не стыдно.

— А куда ты хочешь ѣхать?

— Это дѣло мое, а если ты желаешь узнать, такъ проводи меня.

— Съ большою охотой, и если у тебя нѣтъ лошади, то поѣзжай на любой изъ нашихъ, только нужно дать имъ отдохнуть и покормить нѣсколько.

— Нѣтъ, этого ждать нечего! Ты лучше прежде всего напой ихъ изъ этого источника: онъ

обладаетъ чудеснымъ свойствомъ питательности, такъ что эти лошади могутъ быть три дня сыты и пробѣжать въ часъ столько же, сколько прежде въ день.

Громобою оставалось вѣрить и повиноваться.

Баска напоилъ лошадей, которыя съ удовольствіемъ пили эту воду, и самъ замѣтилъ, какъ онѣ бодро и весело стояли, готовыя въ новый путь. Громобой помогъ, между тѣмъ, Предиславу надѣть доспѣхи и богатырскій шлемъ, только ноги его были босы. Громобой предложилъ ему свою обувь, а самъ, надѣвъ обувь слуги своего, вскочилъ на лошадь и приказалъ Баскѣ подсадить старца, держа подъ уздцы лошадь слуги.

— Нѣтъ,—сказалъ важно Предиславъ.—Я самъ былъ богатыремъ, и коль скоро услышали мои плечи тяжесть брони и мой мечъ-кладенецъ, то во мнѣ ты не узнаешь пустынника.

Въ самомъ дѣлѣ, богатая броня, золоченый шлемъ и огромный мечъ совершенно измѣнили старца, и только постное лицо да длинная сѣдая борода измѣняли бравому виду рыцаря, и при этихъ словахъ старый Предиславъ, вскочивъ такъ же ловко на коня, какъ молодой человѣкъ, сказалъ:

— Вотъ и я витязь, но въ послѣдній разъ. Въ дорогу! Время нечего терять, Громобой!

Витязи помчались такъ быстро, что въ глазахъ ихъ, какъ молнія, мелькали лѣса, деревни, села, домы...

ГЛАВА XI.

Всеславъ у Лютобора.—Искушеніе.—Смерть Лютобора.

Припомнимъ, что Всеславъ стукнулъ въ дверь пещеры съ робостью, которую внушало не жилище, а цѣль прихода.

— Кто тамъ?—спросилъ изнутри голосъ.

— Я, Всеславъ, сынъ Громобоя.

Дверь отворилась, и темная пещера, освѣщенная краснымъ факеломъ, представилась его взорамъ.

Невысокаго роста старикъ освѣщалъ дорогу впередъ. Всеславъ пошелъ за нимъ, не считая нужнымъ затворить двери.

Внутренность пещеры скорѣе представляла узкое земляное ущелье, чѣмъ правильную работу человѣка; она тянулась извилистыми переходами, то впереди, то влѣво, и не давала никакого повода идущему незнакомцу къ догадкѣ, что ожидаетъ его вправо. Всеслава это тревожило, но дѣлать было нечего, отступать и бѣжать не было въ правилахъ русскаго витязя, хотя это помѣщеніе не было похоже на избушку старой корги, которая его снабдила приворотнымъ снадобьемъ. Ему даже пришло на умъ, что старикъ ведетъ его прямо въ адъ. Его бросало то въ жаръ, то въ холодный потъ, и дрожь не безъ основанія про-

бирала его до костей и отъ страха, и оттого, что было очень холодно.

Пройдя огромное пространство, старикъ привелъ его въ одно изъ громадныхъ, по обширности, помѣщеній подземелья, гдѣ все представлявшееся приводило въ ужасъ. Это была цѣлая лабораторія.

На самомъ видномъ мѣстѣ этого подземнаго покоя стоялъ огромный столъ, на которомъ лежалъ обезображенный человѣческій трупъ; множество различныхъ горшковъ съ жидкостями были разставлены на полу и на полкахъ. Въ углу стояла глиняная печь, въ которой пылалъ огонь, и дымъ изъ этой печи, лѣниво разстилаясь по потолку, куда-то уносился. На стѣнахъ также висѣли различные трупы людей и животныхъ. Въ другомъ углу было множество травъ, кореньевъ и прочаго. Нѣсколько скамеекъ еловыхъ были разставлены въ различныхъ положеніяхъ. По полу валялись кости и всякая нечистота, а также текла кровь.

— Что это такое? Здѣсь, видно, бойня. Туда ли завелъ меня мой клубокъ?

Но клубокъ лежалъ у ногъ его. Тогда Всеславъ, взглянувъ на лицо своего вожака, вздрогнулъ.

Предъ нимъ стоялъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ черною бородой и усами, длинные волосы его ниспадали ниже плечъ. На немъ была черная длинная одежда, подпоясанная простою веревкой. Длинные пальцы были какъ бы изогнуты отъ длины искривившихся ногтей; но лицо это верхъ всякой отвратительности: рябое, морщинистое,

съ носомъ, напоминающимъ клювъ хищной птицы, и искривленными губами, оно поражало каждаго, кто впервые встрѣчалъ его, потому что на лицо нельзя было глядѣть вторично.

— Ты ко мнѣ зачѣмъ?—спросилъ онъ Всеслава.

— Меня привелъ сюда клубокъ, данный мнѣ новгородскою колдуньей, чтобы получить отъ тебя снадобья.

— Какого?

— Такого, которое бы могло обратить ко мнѣ Свѣтлану, которую я люблю и которая меня ненавидитъ.

— Вотъ что!.. Такъ тебѣ хочется, чтобы тебя любили всѣ тѣ, которыя тебѣ нравятся... Ха, ха, ха!—И старикъ расхохотался, какъ сумасшедшій, въ такомъ мѣстѣ, которое скорѣе походитъ на могилу.

— Нѣтъ!—сказалъ послѣ умолкнувшаго хохота Всеславъ.—Я люблю одну только и другихъ не преслѣдую.

— Да вѣдь у ней уже есть женихъ, и скоро будетъ свадьба. Отбивать чужихъ дѣвушекъ не ладно!—и старикъ опять захохоталъ.

Горе взяло благородное сердце Всеслава.

— Да что же ты смѣешься, старикъ? Если не можешь, такъ и говори, вѣдь мнѣ не вѣкъ нюхать всю эту дрянь, которая такъ и лѣзетъ въ носъ и ротъ.

— Привыкай ко всему!—И опять новый хохотъ.

— Да что же ты издѣваешься надо мною? Я

шутить не люблю!—И Всеславъ схватился за рукоять меча.—Ты, стало-быть, ничего не можешь?

— Извини, Всеславъ! Меча твоего я не боюсь; онъ хуже лучинки... богатырь мой пряничный,—и опять визгливый хохотъ раздался какимъ-то рикошетомъ по всѣмъ переходамъ подземелья.

— Ахъ ты, гадкій старикашка!—вскричалъ Всеславъ и, выхвативъ въ мгновенье мечъ, занесъ надъ головою старика; но лишь только хотѣлъ его со всею силой могучей руки опустить на голову, какъ мечъ еще въ воздухѣ треснулъ и разсыпался въ стальную пыль, и только одинъ эфесъ остался въ рукахъ молодого богатыря.

Раздался снова хохотъ старика.

— Что взялъ, могучій богатырь? Вотъ ты говоришь, я ничего не могу сдѣлать; нѣтъ, все могу. Вотъ посмотри,—сказалъ онъ, подводя къ столу.—Видишь, вотъ изъ сердца человѣческаго я могу сдѣлать то, что ты увидишь человѣка, какого тебѣ хочется, вотъ хоть бы Свѣтлану, а вотъ этотъ кусокъ у меня идетъ на то, что я могу кого угодно превратить въ звѣря, въ птицу, или въ гада; вотъ эта самая важная для меня вещь...

— Будетъ, будетъ... Ты лучше мнѣ поскорѣе окажи ту помощь, которой я у тебя прошу и для которой я сюда пріѣхалъ.

— Можно, можно, что тебя томить понапрасну, изволь. А сколько ты мнѣ дашь за это?

— Вотъ эту кису съ золотомъ,—сказалъ Всеславъ, указывая на привязанный къ поясу мѣшокъ.

— У меня этого добра довольно, да я ему и цѣну позабылъ. Нѣтъ ли чего подцѣннѣе.

— Нѣтъ при мнѣ; но чего же тебѣ нужно цѣннаго? Жемчуга, изумрудовъ, бархату?.. Говори чего,—все найду, привезу и отдамъ.

— Мнѣ стоитъ только захотѣть, и все это явится сію минуту; но опять мнѣ этого не нужно, я старикъ, щеголять не привыкъ!—старикъ закатился хохотомъ.

— Можетъ быть, тебѣ нужно хорошую лошадь? Я тебѣ достану отличнаго аргамака.

— Куда мнѣ ѣздить! Что ты шутишь, что ли?

— Такъ чего же тебѣ?

— Поищи у себя, нѣтъ ли чего такого, что тебѣ самому дорого?

Всеславъ посмотрѣлъ вокругъ себя, но не нашелъ ничего.

— Ха, ха, ха!.. Неужели ты не знаешь, что для тебя всего дороже?

— Свѣтлана! но я не могу же отдать ее, когда хочу обладать ею.

— Нѣтъ, есть предметы, которые людямъ дороже Свѣтланы.

— Дороже Свѣтланы для меня сейчасъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, я ее люблю; правда, я люблю родителей, но любовь эта вызвана родствомъ, ихъ уважаю, глубоко цѣню.

— Мнѣ не нужно твоихъ родителей.

— Послѣ этого я не понимаю, что ты отъ меня просишь за Свѣтлану?

— Такъ ты не догадываешься? Я прошу твоей души.

— Души! Но какъ же я ее отдамъ тебѣ? Если я умру, такъ на что жъ мнѣ Свѣтлана?

— Глупецъ! Мнѣ она нужна тогда, когда умрешь. Вѣдь придется же умирать когда-нибудь, вотъ мы тогда ее себѣ и возьмемъ.

— Но кто же ты самъ?

— Я—Лютоборъ.

Всеславъ затрясся отъ этого грознаго имени, повсюду слышимаго съ ужасомъ.

— Нѣтъ, я не отдамъ души; нѣтъ ли чего полегче?

— Ну, такъ нѣтъ тебѣ ничего. Ступай, это я тебѣ дѣлаю снисхожденіе, а то ты можешь быть мною запертъ до смерти, все равно такъ же, какъ твоя мать, которая по моей милости сидѣла триста лѣтъ въ стѣнѣ.

— Да помоги же мнѣ въ моей бѣдѣ!

— Отдай душу... Какъ хочешь, Всеславъ, я мстителенъ, и ты не уйдешь отъ меня безъ этого. Пожалуй, хоть ступай, но воротишься; любовь къ Свѣтланѣ ты получилъ отъ меня, что она влюблена въ другого сдѣлалъ я же, что она ненавидитъ тебя, это тоже сдѣлалъ я.

— Къ чему же ведетъ это мщеніе?—спросилъ Всеславъ въ какомъ-то отупѣніи.

— Къ чему? Чтобы удовлетворить Веельзевула, который золъ на отца твоего за его несправедливость.

— Развѣ несправедливость можетъ быть противъ демона?

ожобой.

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

— Такъ ты не догадываешься? Я прошу твоей души.

— Души! Но какъ же я ее отдамъ тебѣ? Если я умру, такъ на что жъ мнѣ Свѣтлана?

— Глупецъ! Мнѣ она нужна тогда, когда умрешь. Вѣдь придется же умирать когда-нибудь, вотъ мы тогда ее себѣ и возьмемъ.

— Но кто же ты самъ?

— Я—Лютоборъ.

Всеславъ затрясся отъ этого грознаго имени, повсюду слышимаго съ ужасомъ.

— Нѣтъ, я не отдамъ души; нѣтъ ли чего полегче?

— Ну, такъ нѣтъ тебѣ ничего. Ступай, это я тебѣ дѣлаю снисхожденіе, а то ты можешь быть мною запертъ до смерти, все равно такъ же, какъ твоя мать, которая по моей милости сидѣла триста лѣтъ въ стѣнѣ.

— Да помоги же мнѣ въ моей бѣдѣ!

— Отдай душу... Какъ хочешь, Всеславъ, я мстителенъ, и ты не уйдешь отъ меня безъ этого. Пожалуй, хоть ступай, но воротишься; любовь къ Свѣтланѣ ты получилъ отъ меня, что она влюблена въ другого сдѣлалъ я же, что она ненавидитъ тебя, это тоже сдѣлалъ я.

— Къ чему же ведетъ это мщеніе?—спросилъ Всеславъ въ какомъ-то отупѣніи.

— Къ чему? Чтобы удовлетворить Веельзевула, который золъ на отца твоего за его несправедливость.

— Развѣ несправедливость можетъ быть противъ демона?

...олобой.

— И большая... Онъ за свою душу получилъ себѣ твою мать, и долженъ былъ душу отдать въ свое время, а онъ рукописаніе насильно выхватилъ у діавола. Развѣ такъ бываетъ? Ну, да что объ этомъ толковать! Чтобы тебѣ даромъ не терять время, вотъ тебѣ пергаментъ, а вотъ перо—пиши.

— Что же я буду писать?—спрашиваетъ Всеславъ въ растерянности, при чемъ глаза его горѣли, ноздри раздувались, сердце билось, щеки пылали розовымъ румянцемъ.

— Я тебѣ скажу что.

— Нѣтъ, это не шутки, это противно религіи.

— Ну, такъ никогда не увидишь Свѣтланы; а если сдѣлаешь по-моему, сама придетъ; мало того, будетъ просить тебя, умолять, чтобы ты ей простилъ ея жестокость, жертвовать собою... Этакое блаженство... Да мало того, что тебѣ до души? Развѣ ты въ жизни не согрѣшишь? Все-таки согрѣшишь, да потомъ доживешь спокойно до семидесяти лѣтъ, а тамъ что?.. Самому жизнь станетъ въ тягость; что изъ тебя выйдетъ—мѣшокъ костей... Полно, рѣшайся, поживешь счастливо, по крайней мѣрѣ; вѣдь кто ни умираетъ, никто не скажетъ, что онъ праведенъ. Старикъ совалъ ему въ руку перо.

Всеславъ пришелъ въ крайнюю степень отупѣнія; онъ, по примѣру отца, пришелъ въ такое состояніе разсудка, что позабылъ все въ мірѣ— и вѣру, и надежду, и любовь въ Бога; для него все пропало, какъ бы подернутое завѣсой; осталась одна Свѣтлана.

— Чѣмъ писать?

— Кровью! Вотъ тебѣ ножъ, разрѣжь немного палецъ и пиши.

Всеславъ взялъ ножъ и занесъ ужъ...

— Несчастный! что ты дѣлаешь?—вскричалъ вбѣжавшій въ это время Громобой и, выхвативъ изъ его руки ножъ, отбросилъ его въ сторону, а самъ, схватя его въ охапку и близъ горѣвшій факелъ, побѣжалъ съ нимъ обратно изъ подземелья. Молодой человѣкъ отъ разнородныхъ чувствъ упалъ въ обморокъ.

— Извергъ рода христіанскаго и человѣческаго! Во имя Бога Святаго и предвѣчнаго, Сущаго въ Святой Троицѣ, умри!..—громовымъ голосомъ вскричалъ Предиславъ, вошедшій вслѣдъ за Громобоемъ.

— А! это ты! Ты все преслѣдуешь меня своими грозными молитвами! Счастье твое, что ты имѣешь такой мечъ, а то бы я пожралъ и погубилъ много народа во славу Чернобога.—И Лютоборъ палъ, изрубленный въ куски огромнымъ мечомъ пустынника.

Пустынникъ зажегъ свѣчу и возвратился вслѣдъ за Громобоемъ, творя святыя молитвы.

Отецъ, держа сына своего Всеслава все еще въ состояніи обморока, во все время ихъ дороги ѣхалъ рядомъ съ пустынникомъ. Громобой благословлялъ имя Предислава и всей братіи, какъ вдругъ услышалъ сильный трескъ, шумъ и какъ будто стонъ съ той стороны, откуда они ѣхали.

— Что это такое?—спросилъ Громобой.

— Провалилось то мѣсто, гдѣ мы сейчасъ были.

— Отчего?

— Оттого, что его не можетъ, по его злодѣяніямъ, держать мать сыра-земля; этотъ злодѣй-язычникъ—поклонникъ Чернобога *); силою чаръ своихъ онъ дожилъ до четырехсотъ лѣтъ и всячески старался привлекать народъ къ почитанію діавола.

Лишь только возвратились въ пустыню отшельниковъ, то молодого человѣка спрыснули изъ источника водою, и онъ очнулся.

— Гдѣ я?—спросилъ онъ.

— Ты у своихъ избавителей,—отвѣчалъ Громобой.

Чистый воздухъ, ясное небо, мелодическое журчаніе источника, пѣніе птицъ, свѣтлыя лица пустынниковъ,—все это удивило, еще не пришедшаго въ себя, какъ слѣдуетъ, Всеслава.

Но когда онъ пришелъ въ себя, то Громобой приказалъ ему благодарить всѣхъ старцевъ за участіе въ спасеніи отца и его.

— Не насъ благодари, а Бога, и никогда не унывай и не предавайся отчаянію, когда лукавый искушаетъ тебя. Пойдемъ и возблагодаримъ Господа за то, что Онъ оказалъ величіе и силу свою чрезъ насъ грѣшныхъ надъ отцомъ твоимъ и надъ тобою.

Въ это время пустынникъ Предиславъ, снявъ

*) У славянъ-язычниковъ Чернобогъ былъ все тотъ же діаволъ, которому для умилостивленія приносили людей въ жертву.

съ себя ратные доспѣхи и обувь, облачился въ свой пустынническій нарядъ и сказалъ, отдавая обувь слугѣ:

— Возьми, братъ, твою обувь; послѣдній разъ надѣвалъ я ее.

А доспѣхи, шлемъ и мечъ, подавъ Всеславу, прибавилъ:

— Мнѣ нѣтъ болѣе нужды носить эту прекрасную броню, дарю тебѣ, Всеславъ. Пусть она защищаетъ твое сердце отъ пагубныхъ страстей, а этотъ шлемъ охраняетъ твой разумъ отъ помраченія, а сей достойный мечъ бьетъ попрежнему враговъ христіанства; помни и дорожи имъ, потому что эти ратные доспѣхи были омыты въ водѣ купели, въ которой крестились премудрая княгиня Ольга и дѣдъ мой, и окроплены рукою патріарха.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ сошли въ подземелье и совершили молитву, а затѣмъ приступили къ бесѣдѣ.

— Слушай, — Громобой, началъ старшій изъ пустынниковъ. — Твой сынъ чуть не лишился по своей страсти благословенія Господня. Какъ ни велика страсть эта, но она должна быть покорена разсудкомъ, и если онъ не достаточно имъ управляетъ, то не самовольно долженъ поступать, а спрашивать совѣта своихъ родителей. Слѣдовательно, онъ виноватъ противъ Бога и родителей; если же онъ былъ избавленъ, то явно, что Господь простилъ его, такъ прости его и ты, и завтра, чѣмъ свѣтъ, ты принимайся за исполне-

ніе намѣренія, а его отпусти съ своимъ вѣрнымъ служителемъ Ваской; пусть онъ обрадуетъ мать, а потомъ пусть поѣдетъ съ нимъ къ славному морю Хвалынскому. На славномъ морѣ на Хвалынскомъ есть островъ Буянъ, а на островѣ томъ, на Буянѣ, есть семь сестрицъ, красныхъ дѣвицъ, пусть онъ ихъ выручитъ. Вотъ, какъ онъ ихъ выручитъ, тогда и оправдаетъ себя и искупитъ предъ Богомъ вину свою.

Громобой поклонился въ знакъ согласія и промолвилъ:

— Все содѣянное мнѣ и сыну моему выше всякой моей благодарности. Нѣтъ словъ для выраженія ихъ, только одна усердная молитва къ Богу двухъ раскаявшихся грѣшниковъ можетъ быть нѣсколько цѣнима.

— Намъ въ нашей старости болѣе ничего и не надобно, добрый Громобой. Обитель, которую ты хочешь устроить для насъ, не надолго скроетъ нашу старость; но да пусть она будетъ пріютомъ тѣхъ многихъ, которые будутъ искать въ молитвѣ и уединеніи земного утѣшенія и вѣчнаго спасенія.

Утромъ, чуть забрезжила денница, какъ молодой витязь, облеченный въ ратные доспѣхи Предислава и въ сопровожденіи слуги Васки, помчался въ Новгородъ.

ГЛАВА XII.

Смерть вѣдьмы.—Поѣздка на Хвалынское море.— Замокъ Лютобора.—Семь морскихъ красавицъ.

Пріѣхали; богатырскіе кони весело заржали у богатаго терема Громобоя.

— Кто тамъ?—вскричала радостно Наталья, взглянувъ въ окно на улицу; но заплаканные глаза ея сквозь слезы не могли ничего видѣть.

— Боярыня! пріѣхалъ молодой бояринъ Всеславъ,—радостно донесъ дворецкій, вбѣжавъ въ приспѣшную, куда вышла Наталья.

Наталья едва могла устоять на ногахъ отъ волненія, но ее поддержалъ вошедшій Всеславъ, который тотчасъ же бросился предъ нею на колѣни.

— Простите, матушка!

— Прощаю, сынъ мой! Прощаю за то одно, что ты возвратился и удалилъ печаль, которая меня бы вогнала въ гробъ.

Послѣ первыхъ изліяній родственныхъ ласкъ, сынъ передалъ матери всѣ подробности своей любви, своего поступка, къ которому его принуждалъ Лютоборъ, пораженіе Лютобора и счастливое свое спасеніе. Мать слушала и крестилась за это новое, оказанное чрезъ пустынниковъ Господомъ, милосердіе. Благодарила и за то еще, что Господь сохранилъ здоровье мужа, и въ такихъ бесѣдахъ протекли нѣсколько часовъ.

— Ну, а теперь ты еще любишь Свѣтлану попрежнему?

— Нѣтъ. Я такъ же къ ней равнодушенъ, какъ къ прочимъ. Я вижу, что тутъ козни врага нашего Лютобора. Я совершенно остылъ послѣ его пораженія.

— Правда ли это, сынъ мой?

— Клянусь вамъ, матушка.

Въ самомъ дѣлѣ, на душѣ молодого Всеслава опять стало весело и привольно, какъ и въ прежніе дни; мысль о Божіемъ милосердіи, счастливо и во-время оказавшемъ спасеніе его изъ рукъ демона, вспадала ему на умъ; любовь къ Свѣтланѣ была уже теперь только однимъ воспоминаніемъ безъ всякихъ слѣдовъ того чада, который наполнялъ его голову и тревожилъ его сердце.

На утро другого дня мать отпустила его съ благословеніемъ на новый подвигъ, вручивъ ему складень, который онъ укрѣпилъ на своихъ латахъ. Мать теперь вѣрила, что молитвами пустынниковъ онъ будетъ сохраненъ и притомъ также надѣялась, что храбрый и вѣрный оруженосецъ Васка, извѣстный своею храбростью, употребитъ всѣ мѣры къ защитѣ своего витязя и господина.

Витязь проѣхалъ мимо Свѣтланы и, хотя равнодушный теперь, изъ любопытства посмотрѣлъ въ окно— и что же? Свѣтлана, противъ ожиданія, показалась ему обыкновенною дѣвушкою, безъ особенной красоты, которая могла бы плѣнить его такъ страстно.

— Что за чудо?—подумалъ онъ.—Къ чему были всѣ мои стремленія? О, очарованіе! Какая пагуба оно для сердца и души!

Всеславъ набожно перекрестился и помчался къ перевозу.

Замѣтимъ мимоходомъ, что очарованіе рушилось, такъ какъ было кознями Лютобора, между Свѣтланою и молодымъ ея другомъ, котораго она считала уже женихомъ. Ни онъ ей, ни она ему не стали нравиться въ той степени, какъ было это прежде, и свободно разошлись безъ взаимныхъ притязаній тогда, когда уже сердца ихъ безъ согласія родителей внушали разсудку, помраченному страстью, нарушить то, что считается святымъ и неприкосновеннымъ безъ благословенія свыше, и мѣсто смѣнило тихое раскаяніе у того и другого.

— Стой, Баска! Успѣемъ еще переѣхать чрезъ Волховъ; поѣдемъ сперва къ той старухѣ, которая живетъ въ лачугѣ.

— Да вѣдь это, мой господинъ, хижина колдуньи.

— Ну, такъ что жъ, что колдуньи? Поѣдемъ, не бойся!..

— Бояться-то што, а все страшно; сами посудите, вѣдь эта вѣдьма съ нечистой силой водится: вдругъ какую-нибудь шишигу внутро посадитъ, и не оглянешься.

— Полно врать! вѣрь только Божьему могуществу и Его милосердію; равнаго Богу нѣтъ никого, а развѣ человѣкъ можетъ что-нибудь сдѣлать?

— Да все грѣхъ, господинъ мой! Вотъ у тебя

на груди благословеніе матушки Натальи, а съ нимъ пойдете къ такой погани.

— Это умный совѣтъ.

При этомъ Всеславъ отстегнулъ складень отъ передней латы и подалъ слугѣ.

— Нà это, пока я буду съ ней говорить, это не на долго, и, соскочивъ съ коня, передалъ его Баскѣ.

Баска крестился и чурался, когда подъѣзжали къ колдуньѣ. Дѣйствительно, въ народѣ шло про нее много толковъ, и всѣ боялись ее, хотя давно хотѣли ее убить.

Безстрашный, какъ и всегда, Всеславъ вошелъ въ избу, теперь веселый и довольный.

Старуха посмотрѣла на него.

— Ну-ка, раскинь мнѣ на бобахъ, да я съ тобой разсчитаюсь. Славный ты мнѣ совѣтъ подала, такой совѣтъ, что я достигъ того, чего и не чаялъ.

— Веселъ-то ты, веселъ, бояринъ, да не обманываешь ли меня?—сказала колдунья съ недовѣрчивостью.

— Ну, вотъ еще... Ты посмотри: видишь, сколько золота, половина твоя; я люблю награждать за услугу. Ну-ка, погадай. — И при этомъ Всеславъ ударилъ по кисѣ, висѣвшей у него съ боку.

Старуха вздохнула, но не посмѣла уже противорѣчить. Она раскинула свои бобы и начала метать по столу. Вдругъ руки ея затряслись, наконецъ, судороги совершенно исковеркали ее.

— Ахъ, смерть моя!—вскричала она, заскрежетавъ зубами.

Всеславъ обнажилъ мечъ.

— Видишь ли ты, демонское исчадье, этотъ мечъ? Кого поразилъ онъ?

— Не губи меня!—вскричала старуха, упавъ на колѣни и желая обвить руками его ноги.

— Пошла ты, вѣдьма, буду ли я марать этотъ мечъ поганой кровью?—При этомъ взглянулъ на клинокъ меча и увидѣлъ на немъ нѣсколько капель крови.

— Вотъ видишь ли ты эту запекшуюся кровь? узнай, чья она?

— О, это кровь злодѣя Лютобора.

— Такъ слижи ее, несчастная! Я не хочу марать руки свои объ эту дрянь.

— Не могу.

— Я хочу.

— Ты, стало-быть, хочешь моей смерти?—спросила старуха.

— Если не слижешь съ клинка этой дряни, то и тебя поражу этимъ мечомъ.

— Такъ лучше рази меня, чѣмъ страдать мнѣ,— говорила совершенно обезумѣвшая старуха, и при этомъ глаза ея налились кровью, губы ея и прочія части тѣла судорожно передергивало, члены тряслись.

— Если губить тебя мечомъ, мнѣ опять нужно освящать его, такъ какъ мнѣ предстоитъ святое дѣло. Скорѣй! Не все ли равно, если я сейчасъ предамъ тебя новгородскому управленію и тебя предадутъ медленнымъ пыткамъ, истязаніямъ и проклятіямъ.

— Хорошо; если ты того хочешь, давай...—сказала съ бѣшенствомъ злая женщина, въ которой, наконецъ, обнаружилось все притворство ея злой души. Всеславъ держалъ мечъ за рукоять, вѣдьма, схватя его за обоюдоострый клинокъ, рѣзалась и слизывала, какъ животное, капли запекшейся крови.

— Ну, доволенъ ли ты, Всеславъ? Доволенъ ли ты? Дово...во...ленъ ли?..—И страшная колдунья захохотала до того дико и громко, при этомъ такъ продолжительно, что на губахъ ея показалась желтая пѣна... Всеславъ попятился къ дверямъ. Лошади зафыркали внѣ хижины.

— Ой, страшно!.. ой, умираю!.. нѣтъ спасенія... нѣтъ... ухъ!.. некому молиться... нѣтъ... мнѣ... отвратились всѣ... а вотъ и адъ...—Судороги сжали ея губы, члены вытянулись, что-то въ видѣ синяго огонька показалось у ея рта и померкло.

Всеславъ поторопился выдти. Ему душило грудь.

— Что, бояринъ, долго запропастились у старой вѣдьмы? Да какъ это вы не боитесь?

— Ты посмотри-ка на нее, она уже издохла.

— Ну да, издохнетъ развѣ когда-нибудь эта тварь?—замѣтилъ Баска.

— Погляди.

— Глаза вамъ отвела; поглядите, какъ оживетъ, еще клинъ осиновый понадобится.

— Да слѣзь съ коня и поди, посмотри.

— Инъ такъ и быть.—И Баска, соскочивъ съ коня, посмотрѣлъ въ щель между дверями, не забывши зачураться.

— И впрямь, што-то похоже, рожа вся почернѣла... Вотъ, поди-ка, бѣсы-то радуются,—сказалъ садившійся въ сѣдло Баска.

Оба всадника переѣхали чрезъ Волховъ, гдѣ Всеславъ не забылъ омыть свой мечъ.

— Теперь не будетъ вредить Новгороду эта злая вѣдьма,—думалъ онъ.

Путь былъ далекъ и труденъ, на который посвятилъ себя Всеславъ; но онъ зналъ, что это былъ родъ покаянія, которое было наложено на него, чтобы онъ чувствовалъ и помнилъ великость прегрѣшенія, которое онъ хотѣлъ совершить, и Всеславъ сознавалъ это.

Ему приходилось проѣзжать съ своимъ оруженосцемъ громадные лѣса, съ необозримыми болотами, которыя были многимъ недоступны, переплывать рѣки и, наконецъ, что всего несноснѣе, проѣзжать чудныя области, принадлежащія дикимъ народамъ, живущимъ грабежомъ и разбоями. Но отличное вооруженіе, сила и ловкость двухъ всадниковъ, а главное—благословеніе и молитвы, за нихъ возносимыя къ Богу, дѣлали ихъ неуязвимыми въ битвахъ, и они громили цѣлыя толпы кочующихъ племенъ.

Бури и непогоды не страшили ихъ; они шли смѣло и вѣрно къ своей цѣли, хотя претерпѣвали на пути всякаго рода лишенія и препятствія.

— Впередъ! Впередъ, мой товарищъ!—говорилъ, ободряя Баску, Всеславъ.

— Такъ нешто ракомъ пятить? Знамо впередъ,—шутилъ неустрашимый оруженосецъ, посматривая

зорко по сторонамъ, чтобы какой-нибудь засѣвшій печенѣгъ, болгаръ или козаръ, чрезъ земли которыхъ приходилось проѣзжать, не пустилъ свою мѣткую стрѣлу или дротикъ.

Вотъ уже пошли и необозримыя степи, покрытыя ковылемъ, бурьяномъ и другими растеніями въ ростъ человѣка, необозримыя степи Моздокскія, гдѣ еще въ то время водились и тигры и косяки дикихъ лошадей.

Все это проѣхали они и, наконецъ, подъѣхали къ славному морю Хвалынскому.

Ѣдутъ вдоль берега славные богатыри, славные не побѣдами, но терпѣніемъ, и смотрятъ на далекое море, гдѣ бы увидѣть имъ островъ Буянъ.

Долго ѣздили они вдоль береговъ, а острова не нашли; сторона незнакомая, еретическая, пустынная, да не у кого и спросить по русски; если кто и встрѣтится, такъ какой-нибудь некрещеный. Всеслава взяло сомнѣніе. Правду ли сказали отшельники? Можетъ быть, не хотѣли ли только испытать его въ храбрости или поучить нуждѣ и трудностямъ воинскихъ переходовъ, и даже подѣлился въ этомъ съ Баской.

— Э, полно, господинъ мой, такъ говорить объ отшельникахъ, — отвѣчалъ Васка, поджаривая на разведенномъ кострѣ только что застрѣленную птицу. Мало ли чего бы мы хотѣли, да дѣло-то по нашему не дѣлается, всякому началу есть свой часъ.

Былъ вечеръ, и потому усталые путники, закусивши пойусырьевъ мясомъ птицы, легли на

траву, прикрывшись наскоро камышевымъ навѣсомъ. Богатырскій сонъ тѣмъ и крѣпокъ, что онъ вызванъ необходимостью и устаткомъ, а потому оба скоро заснули, и Всеславъ видитъ одного изъ отшельниковъ, который говоритъ:

— Напрасно ты думаешь, что мы тебя обманываемъ. Вовсе нѣтъ! Ты самъ не туда отправился, тебѣ нужно по берегу взять вправо, а ты пустился влѣво. Воротись и увидишь островъ, а тамъ стоитъ высокая башня, ее видно съ берега; не падай духомъ, время подвига близко.

Всеславъ, проснувшись, передалъ свой дивный сонъ Баскѣ.

— Вѣдь вотъ я такъ тебѣ и говорилъ, господинъ мой, что нужно вѣрить правдѣ вѣрныхъ сподвижниковъ. Зачѣмъ не вѣрить имъ, когда они спасли тебя отъ погибели? Ѣдемъ же, не мѣшкая; лошади сыты и бодры, погода хорошая и на морѣ тихо.

Въ самомъ дѣлѣ, проѣхавъ нѣсколько верстъ въ противную сторону берега, они замѣтили вдали что-то чернѣющееся на прозрачной синевѣ моря.

— Вотъ, должно быть, и островъ Буянъ, видишь, мой витязь?

— Вижу,—былъ отвѣтъ Всеслава, и сердце его забилось отъ невѣдомаго чувства.

Подъѣхали ближе. Островъ былъ не обширенъ, но слишкомъ далеко отъ берега, на которомъ они стояли, чтобы имъ пуститься вплавь; притомъ имъ нельзя было оставить доспѣховъ, которые имъ были во многихъ случаяхъ нужны, быть можетъ,

для сильнаго, рѣшительнаго боя. Это оправдывало мнѣніе, что на островѣ было здачіе съ башней, что внушало о владѣльцѣ его хорошее мнѣніе, относительно богатства и знатности.

Витязи оставались въ недоумѣніи, что было имъ дѣлать и съ чего начать.

— Ба! да вотъ что, мой добрый господинъ: вижу тамъ лодку, да не одну. Взгляни на берегъ, вонъ ихъ выблетъ водою.

— Да, я вижу,—отвѣчалъ на замѣчаніе Васки Всеславъ,—однакоже, если тамъ есть шкуны и ладьи, то здѣсь ихъ нѣтъ, чтобы туда добраться.

— Это ничего. Погоди, бояринъ! Я въ ребячествѣ научился у стараго рыбака плести лодки изъ камыша и, бывало, въ них переплывалъ нашъ бурный Волховъ. Попробую, если память мнѣ не измѣнила, кажись, и теперь это дѣло сдѣлать могу, только не серчай, господинъ мой, буду тебя просить помочь мнѣ рубить камышъ.

— Да развѣ можно ѣхать на плетюшкѣ? Вѣдь безъ смолы просочится вода?

— Эка бѣда! Мнѣ только бы сдѣлать, а то я все такъ ладно устрою, что мы ничего не испортимъ и не замочимъ, хоть десятеро садись.

Всеславъ приступилъ къ нарубанію своимъ мечомъ тростника, а Васка началъ плесть корзинку съ такимъ проворствомъ, которое сдѣлало бы честь любому мастеру. Не прошло двухъ часовъ, какъ кошница была готова; въ ней могло помѣститься до пяти человѣкъ. Послѣ того онъ взялъ сѣкиру и, срубивъ два близъ стоящія дерева и

положивъ ихъ въ рядъ, крѣпко привязалъ къ нимъ сплетенную корзинку. Изъ побочныхъ вѣтвей вырубилъ два весла, и оба корабельника спустили это судно на воду. Корзина, дѣйствительно, не могла ни утонуть, ни прорваться, потому что Баской были приняты всѣ мѣры предосторожности.

Привязавъ лошадей къ дереву, наши герои сѣли въ свою новаго рода лодку и отправились въ путь, управляя судномъ посредствомъ своихъ веселъ.

— Хорошо, мой добрый господинъ, что погода-то по насъ.

— Да, и то правда, а прежде была она непогожа.

Скоро витязи пристали къ острову Буяну и, привязавъ свою пловучую корзину арканомъ къ вѣтвямъ какого-то дерева, растущаго на берегу, пошли въ средину острова.

Но прежде чѣмъ осматривать за́мокъ, они, боясь засады, осмотрѣли островъ кругомъ.

Видя, что никого не видать и островъ совершенно пустыненъ, путники приступили къ осмотру за́мка. За́мокъ этотъ былъ сложенъ изъ бѣлаго морского камня, очень высокъ и притомъ съ башней, съ которой видъ моря, какъ съ маяка, разстилался на огромное пространство.

Въ за́мкѣ было двое воротъ. Витязи подошли къ однимъ изъ воротъ, но они были заперты; подошли къ другимъ, тѣ были притворены и при слабыхъ усиліяхъ отворились довольно легко.

— Видно, за́мокъ необитаемъ, если хозяева не позаботились запереть его, замѣтилъ Всеславъ.

— Да что же запирать, если на островѣ ни души?

— А лодки-то чьи?—замѣтилъ Баска.

Обнаживъ мечи на случай скрытой засады, оба воина отправились въ первую попавшуюся дверь съ большого двора, выложеннаго бѣлою плитою.

Широкая лѣстница ввела ихъ въ мрачную, но роскошную залу; перламутръ, слоновая кость, порфиръ и другіе дорогіе предметы мозаически украшали стѣны и потолокъ. Полъ былъ выстланъ разноцвѣтными мраморами и устланъ персидскимъ ковромъ, по сторонамъ были турецкія софы; все говорило о восточной роскоши; изъ оконъ былъ виденъ великолѣпный садъ со множествомъ бьющихъ фонтановъ. Нашихъ новгородцевъ удивляла впервой эта неслыханная роскошь и, одолѣваемые любопытствомъ, они пошли далѣе.

Не будемъ описывать всю роскошь убранства, скажемъ только одно, что, пройдя множество комнатъ, они удивлялись болѣе и болѣе разнообразію и красотѣ ихъ украшеній, и послѣ всего—безмолвію и безлюдности.

Обойдя первый этажъ, они вошли въ другой, гдѣ точно также встрѣтили покои не хуже первыхъ, и опять ни души. Обойдя кругомъ, они опять возвратились на лѣстницу и увидѣли, что она не кончается, а идетъ далѣе.

— Это, кажется, ведетъ на башню?

— Можетъ быть и такъ, если не на вышку,— замѣтилъ Баска, и оба искатели приключеній отправились выше. Поднявшись до конца лѣст-

ницы, они осмотрѣлись кругомъ и съ ужасомъ увидѣли чернаго араба, который стоялъ и караулилъ дверь, съ сѣкирою въ рукахъ.

Всеславъ подошелъ къ нему, чтобы отворить дверь, но арабъ взмахнулъ сѣкирою быстрѣе молніи. Всеславъ отскочилъ въ сторону, и сѣкира просвистала мимо.

— Экой озорникъ,—сказалъ Баска,—а вѣдь я думалъ, что это не живая образина, а чучело...— И при этихъ словахъ пустилъ въ него сѣкиру; но сѣкира прошла чрезъ его тѣло, не причинивъ никакого вреда.

Между тѣмъ, арабъ опять взмахнулъ сѣкирою, оберегая входъ и не сходя съ своего мѣста.

— Послушай! кто бы ты ни былъ, но вижу, что ты представляешь собою стражу, которой дарована неуязвимость; но помни, что этимъ мечомъ былъ убитъ самъ Дютоборъ.

— Лютоборъ!—вскричалъ арабъ.—Такъ его ужъ нѣтъ на свѣтѣ?—И онъ съ крикомъ бросилъ оружіе и хотѣлъ убѣжать; но Всеславъ взмахнулъ своимъ мечомъ и несчастнаго поразилъ всесокрушающій мечъ, на котораго не могла дѣйствовать враждебная сила.

Всеславъ подошелъ къ двери, чтобы отворить ее, но она была заперта такъ, что не было возможности отворить ее, несмотря на то, что на дверяхъ не было ни замка, ни замочной скважины.

Всеславъ ударилъ по ней слегка мечомъ, и дверь сама собою отворилась. Войдя въ слѣдующую комнату, они увидѣли нѣсколько мрачныхъ

богатырей въ черныхъ латахъ, съ опущенными забралами. Витязи въ странныхъ азіятскихъ кольчугахъ, закованные сверху до низу, стояли стройно и неподвижно, оперлись на свои бердыши; они, казалось, были не живыми.

— Это что-то новое!.. Эй, храбрые витязи, есть ли кто живой? сказалъ Всеславъ, кланяясь мрачнымъ богатырямъ, снявъ свой шлемъ. Баска также поклонился.

Безмолвіе было отвѣтомъ.

Всеславъ подошелъ ближе: рыцари не трогались; онъ взялъ одного рыцаря за руку, рука была неподвижна.

— Да это статуи, чего намъ бояться.

— Ну-ка, правда ли?—И Баска, подойдя къ одному изъ крайнихъ неподвижныхъ фигуръ, поднялъ забрало и съ ужасомъ отскочилъ отъ него, взглянувъ въ лицо.

— Да это костякъ! это совсѣмъ не живые, бояринъ, люди.

Между тѣмъ, въ этой залѣ, имѣвшей круглую форму, Всеславъ усмотрѣлъ лѣстницу.

— Пойдемъ сюда, Баска! Здѣсь ходъ кверху; увидимъ, что тамъ еще есть.

Лишь только онъ хотѣлъ отворить дверь, ведущую кверху, какъ въ залѣ сзади ихъ раздался звукъ мечей, и витязи въ мрачныхъ доспѣхахъ подняли мечи, стройно двинувшись, и подошли къ нашимъ Всеславу и Баскѣ. Баска первый началъ защищаться, но его мечъ вовсе не отражалъ ударовъ, а только извлекалъ искры.

Совсѣмъ не то было со стороны Всеслава; этотъ молодой витязь, обладая отцовской силой и ловкостью вдвое противъ Баски, также не могъ бы достойнымъ образомъ поддержать свою честь, если бы ему не помогъ мечъ, обладавшій силою рушить все, что только попало подъ его ударъ.

Лишь только онъ началъ отражать противниковъ, какъ мечи начали крошиться, доспѣхи и шишаки разсѣкались надвое, и мрачныя тѣни богатырей падали.

Всеславъ, ободренный успѣхомъ, сразу покончилъ со всѣми, и зала наполнилась убитыми, которые не издали ни одного слова, ни одного стона.

Баска изъ любопытства поднялъ одного богатыря, и онъ былъ такъ легокъ, что онъ подбросилъ кверху витязя, какъ куклу.

— Вотъ такъ богатырь!.. Настоящая ребячья игрушка!—смѣялся Баска. И въ самомъ дѣлѣ, при тщательномъ разсмотрѣніи, они увидѣли, что то были не что иное какъ остовы, облеченные въ латы и шлемы, но на самомъ дѣлѣ давно истлѣвшіе трупы ихъ оставили по себѣ однѣ кости.

Покончивъ эту войну съ мертвыми рыцарями, побѣдители поднялись кверху. И взойдя въ подобный первому, второй круглый залъ, они пріятно изумились. Въ роскошно убранномъ залѣ башни сидѣли семь дѣвушекъ и пряли бѣлый ленъ. Всѣ были на подборъ красавицы, одна другой краше. У каждой текли по лицу слезы, а въ одной сторонѣ отъ нихъ сидѣла старая престарая старуха съ плетью въ рукахъ и безпрестанно говорила:

— Ну, ну! не дремать!.. Еще время не пришло, шевелите веретенами!.. Да тоньше и ровнѣе, дѣло будетъ ладное.

— Ого!..—шепнулъ Всеславъ Баскѣ,—видно она это лѣкарство нерѣдко подноситъ.

Лишь только Всеславъ сказалъ это, какъ старая вѣдьма уже успѣла дать плеткой здоровый ударъ по пышнымъ плечамъ одной изъ красавицъ, которая бросила свой взглядъ на Всеслава.

Всеславъ, догадавшись, что отшельники говорили именно про этихъ дѣвушекъ, оставилъ у дверей Баску, а самъ подошелъ къ вѣдьмѣ.

— Послушай, старая карга! Ты что тутъ за птица?—спросилъ Всеславъ.

— А ты, храбрый богатырь, зачѣмъ сюда попалъ непрошенный?

— Да я и часто незванымъ являюсь, не взыщи; мнѣ бы вотъ хотѣлось только узнать: кто здѣсь хозяинъ?

— Не старайся добраться до хозяина; какъ только онъ тебя здѣсь увидитъ, такъ не больно похвалитъ; онъ такъ пригблубитъ, что только небу жарко будетъ. Вотъ каковъ хозяинъ.

— Да кто же онъ такой, который презираетъ законы гостепріимства?—спросилъ Всеславъ.

— Лютоборъ, вотъ кто!

— А!.. Лютоборъ. Ну, этотъ хозяинъ теперь не будетъ страшенъ болѣе никому: онъ уже давно сидитъ въ аду. А ты что, не его ли почтенная супруга?

— Да, я его жена. Да ты потише... меня сказками не устрашишь; ты долженъ прежде всего мнѣ отвѣсить низкій поклонъ да поднести подарочекъ.

— А вотъ у меня подарочекъ! Славный подарочекъ твоей милости, на крышѣ угоришь отъ этого угощенія,—сказалъ Всеславъ, ударивъ мечомъ въ полъ, отчего посыпалось множество искръ.

— Эй, вы, прядите, пряхи, что заслушались этого пустомели!

И вѣдьма пошла крестить плетью дѣвушекъ. Всеславъ не выдержалъ: зная, что Лютобора нѣтъ, который всѣхъ одѣлялъ своими волшебными чарами, онъ подошелъ сзади къ вѣдьмѣ и, быстро выхвативъ плеть, началъ ее такъ бойко нажаривать по головѣ, по плечамъ и по спинѣ, что она упала и завизжала. Тогда, откинувъ плеть въ сторону, онъ отрѣзалъ ей уши и приказалъ просить у дѣвушекъ помилованія.

— Какъ бы я не далась тебѣ въ обманъ!—кричала корнаухая:—нѣтъ, я прежде всѣхъ передушу, чѣмъ отдамъ тебѣ моихъ работницъ.

И свирѣпая вѣдьма бросилась было на двухъ дѣвушекъ въ величайшей ярости, готовая своими костлявыми лапами исполнить гнусное злодѣяніе; но Баска быстро и во-время схватилъ ее за плечи и повалилъ на полъ. А Всеславъ, чтобы не мѣшкать въ освобожденіи дѣвушекъ и опасаясь вредной для перевозки чрезъ море погоды, пересѣкъ ее, какъ муху.

Дѣвушки сперва испугались, но потомъ, видя, что богатырь убилъ ее, ободрились и даже обрадовались, когда узнали, что ихъ приглашаютъ вонъ и хотятъ освободить изъ заключенія. Онѣ вышли чрезвычайно робко изъ башни; впереди ихъ шелъ Баска, а сопровождалъ Всеславъ. Выйдя изъ замка, они торопились везти поскорѣе, пока погода была очень хороша для перевоза. Во избѣжаніе опасности, Всеславъ и Баска сняли доспѣхи и, положивъ ихъ опять въ свою пловучую корзину, разсадили дѣвушекъ на двухъ лодкахъ; одной изъ нихъ правилъ Всеславъ, а другой Баска.

Дѣвушки радовались и плескались водою отъ удовольствія, но ни одна изъ нихъ не говорила ни слова. Это удивило Всеслава, который не могъ понять, какимъ образомъ такія прекрасныя дѣвушки, которыхъ невозможно оцѣнить по достоинству простымъ человѣческимъ языкомъ, потеряли способность говорить.

Однако, это удивленіе нужно было замѣнить другого рода недоразумѣніемъ. Надо было позаботится о пищѣ, такъ какъ дѣвушки не могли сказать, что онѣ хотятъ ѣсть или пить. Но находчивости Баски не было конца: онъ подстрѣлилъ лося и всѣхъ накормилъ, изжаривъ его на голомъ огнѣ, и потомъ опять занялся плетеніемъ корзинъ, которыхъ, сдѣлавъ три штуки, отложилъ въ сторону и пошелъ ловить арканомъ дикихъ лошадей.

Надобно замѣтить, что не было во всемъ Нов-

городѣ такого витязя, который бы такъ хорошо владѣлъ арканомъ, какъ онъ; бывало, въ стычкѣ, если за кѣмъ погонится на конѣ, кого нужно взять въ плѣнъ живьемъ, только броситъ арканъ, петля по его выбору не ошибется, прямо на плечи — и изъ сѣдла вонъ.

Наловивъ шесть лошадей, онъ мигомъ объѣздилъ ихъ и тотчасъ уставилъ по парѣ, при помощи Всеслава, помѣстивъ между каждой парой лошадей по одной привязанной корзинѣ, въ каждую изъ нихъ усадилъ по двѣ дѣвушки, а въ послѣднюю—троихъ. Лошадей такъ спуталъ между собою, что, какъ ни дики были онѣ, не могли не повиноваться удалымъ наѣздникамъ. Запасшись незатѣйливой, но питательной пищей, всадники избрали теперь болѣе удобный путь и старались пробиться къ предѣламъ Кіевскаго княжества для того, чтобы избѣжать дикихъ наѣздниковъ. Впрочемъ, однажды на нихъ напала шайка печенѣговъ, отъ которыхъ трудно было защищаться и защитить робкихъ дѣвушекъ, которыя могли съ испугу разбѣжаться, и вотъ Всеславъ согласился съ ихъ начальникомъ и далъ имъ столько золота, что печенѣги съ удовольствіемъ взялись проводить ихъ до самаго мѣста. При такой надежной защитѣ, вступивъ на русскую почву, наши богатыри пересадили дѣвушекъ въ телѣги и колымаги и привезли ихъ всѣхъ семерыхъ туда, гдѣ Громобой строилъ свою обитель.

ГЛАВА XIII.

Судьба героевъ разсказа.

Наши путники въ теченіе дороги мало-по-малу привыкли къ своимъ хозяевамъ и уже не дичились ихъ, вслѣдствіе деликатнаго обращенія.

Вотъ они подъѣзжаютъ къ заповѣдной полянѣ, и что же видятъ? Обитель построена, небольшая церковь уже закончена, и золотой крестъ сіяетъ на ея вершинѣ. Лишь только они подъѣхали, какъ священникъ въ полномъ облаченіи вышелъ съ крестомъ въ рукахъ, и рыцари, подойдя къ кресту, приложились. Священникъ поздравилъ ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ, а вслѣдъ затѣмъ Громобой расцѣловалъ сына и ловкаго оруженосца, братскимъ цѣлованіемъ привѣтствовали ихъ двѣнадцать отшельниковъ, и старшій изъ нихъ сказалъ:

— Братія! дѣвы эти непорочны и нѣмы; нѣкоторыхъ нужно привести къ святому крещенію, а другихъ къ мѵропомазанію, — тогда откроются ихъ уста.

Предложеніе его было принято, и семь дѣвъ были крещены. Каково же было ихъ удивленіе, когда дѣвушки всѣ заговорили на русскомъ языкѣ, перестали быть дикими и тотчасъ же стали молиться Богу, какъ и всѣ окружающіе!

Витязямъ было очень любопытно знать, что за

причина такого заключенія дѣвушекъ, и за что то тяжелое положеніе, которое онѣ вынесли.

Дѣвушка, повидимому старшая, начала:

— Мы несчастныя некрещеныя или проклятыя родителями дочери; неблагоразумные родители, видя шалости дѣтей, часто безсознательно проклинаютъ ихъ или посылаютъ къ нечистому духу; эти губительныя слова, произносимыя кѣмъ бы то ни было, пагубны, а тѣмъ болѣе, когда родители произносятъ такія слова надъ дѣтьми, которыхъ они обязаны соблюдать въ вѣрѣ и благочестіи.

Злой духъ Лютоборъ пользовался этимъ случаемъ, и когда я, будучи дочерью кіевскаго богатыря, гуляла въ саду съ няней послѣ того, какъ меня мать прокляла за дѣтскую шалость, появился вихрь, поднялъ меня и вмигъ перенесъ въ тотъ зáмокъ, откуда выручилъ насъ витязь Всеславъ...

Здѣсь была жена его, отвратительная вѣдьма, которой поручено было хозяйство въ зáмкѣ, такъ какъ Лютоборъ рѣдко жилъ въ немъ, и болѣе всего обращалъ въ сѣверныхъ предѣлахъ православныхъ людей въ поклонниковъ Чернобога, чтобы обогащать адъ и пріобрѣсти дружбу дьявольскаго князя. Этотъ-то Лютоборъ своими поступками до того заслужилъ дружбу Веельзевула, что тотъ продлилъ его жизнь до 400 лѣтъ.

Старая вѣдьма, жена его, мучила насъ ежеминутно плетью, заставляла работать безъ устали, и чтобы мы не кричали, отняла у насъ употребленіе языка; мы всегда ложились спать поздно,

съ избитыми плечами и спинами, въ теченіе ночи безжалостная вѣдьма сосала изъ насъ кровь поочередно изъ ранъ, пока, наконецъ, не засыпала отъ опьянѣнія.

Чтобы мы не вздумали убѣжать изъ своей тюрьмы, наши двери охраняло множество рыцарей; эти рыцари, которыхъ видѣли наши избавители, были трупы и кости удавленниковъ, утопленниковъ и продавшихъ душу дьяволу, и только адскимъ искусствомъ поклонникъ Чернобога могъ сдѣлать такъ, что они могли дѣйствовать въ оборону и охранять насъ.

Всѣ мои шесть сестеръ, какъ мы считались между собою, терпѣли одну и ту же участь; намъ съ малыхъ лѣтъ, со времени заточенія, неизвѣстны были игры, кромѣ работъ веретеномъ, за которыя насъ съ побоями усаживала вѣдьма. И за что мы получали всѣ эти страданія? — За то, что насъ родители или прокляли, или ругали разными неприличными словами!

Дѣвушекъ отвели въ особо-приготовленную свѣтлицу и оставили ихъ тамъ послѣ обѣда отдохнуть.

Нужно замѣтить, что поѣздъ дѣвицъ въ сопровожденіи Всеслава и Баски прибылъ на другой день послѣ освященія церкви, и старцы, оставивъ свое подземелье, гдѣ прожили болѣе тридцати лѣтъ, уже перемѣстились въ свои новыя кельи.

Сколько благословеній, сколько благодарности получили Громобой и сынъ его за оказанное имъ добро! Лишь только раздался колокольный звонъ въ пустынѣ, о которомъ никогда не знали посе-

ляне, то отовсюду стеклись они, и вотъ при самомъ освященіи храма каждый принесъ свое посильное приношеніе, кто чѣмъ могъ, и вотъ у мирныхъ обитателей одинокой пустыни и въ ихъ небольшомъ амбарѣ, съ легкой руки, оказалось небольшое количество провизіи. Въ церковной кружкѣ нашлись деньги, а вблизи сердобольныя женщины, пожертвовавшія полотномъ и холстиной.

Было уже поздно, пустынники давно легли спать послѣ непрестаннаго бдѣнія, какъ Громобой, сѣвъ у источника, сказалъ сыну:

— Ну, сынъ мой, ты знаешь ли свою вину предъ Богомъ, когда ты хотѣлъ продать дьяволу свою душу?

— Въ ту же минуту я сознаdъ свое прегрѣшеніе, любезный батюшка, и вся тяжесть мученія пропала; я не чувствовалъ его даже и тогда, когда, по пріѣздѣ въ Великій Новгородъ, нечаянно увидѣлъ Свѣтлану.

— Ну, а теперь, сравнивая Свѣтлану съ красотою этихъ дѣвицъ, какъ ты находишь, лучше ли ихъ была Свѣтлана?

— Нѣтъ сравненія, что послѣднія изъ нихъ краше во сто разъ Свѣтланы.

— Понравилась ли тебѣ которая-нибудь?

— Мнѣ одна изъ нихъ нравится, и я охотно бы женился на ней, батюшка.

— Хорошо. Я исполню твое желаніе, тѣмъ болѣе, что это общее желаніе старцевъ; они предвидятъ много, и пусть ты въ этой церкви совершишь первую свадьбу.

Сынъ поклонился въ ноги отцу и сказалъ:

— Надѣюсь, родитель мой, что успѣю возвратиться къ добрымъ мыслямъ и укрѣпиться въ благочестіи, слѣдуя твоимъ добрымъ примѣрамъ.

— Ступай и спи, Всеславъ, въ келіи нашего добрѣйшаго Предислава; его благодѣянія для насъ безчисленны и не имѣютъ предѣловъ. Онъ меня съ тобою спасъ отъ вѣчнаго мученія и направилъ къ добру.

Всеславъ отправился въ радостномъ волненіи отъ обѣщанія отца и скоро заснулъ, между тѣмъ какъ Громобой, разбудивъ своего вѣрнаго оруженосца, сказалъ:

— Извини, Баска! Несмотря на твой огромный трудъ отъ дальняго пути и усталости, я буду просить тебя, а не приказывать, чтобы ты съѣздилъ въ Новгородъ сказать, чтобы пріѣхала моя жена, такъ какъ я рѣшился во вновь построенной церкви обвѣнчать моего сына. Позаботься также, чтобы сюда привезли обозъ съ съѣстными припасами, а если кто, можетъ, изъ молодыхъ товарищей сына захочетъ быть при бракосочетаніи, то пусть ѣдутъ: разумѣется, дѣлай все поскорѣе. Лошадей не щадите.

Всеславъ и Громобой еще не вставали съ постелей, какъ уже Баска, вскочивъ на коня, мчался въ Новгородъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ въ Новгородъ и объявилъ радостную вѣсть, что они успѣли совершить успѣшно походъ на Хвалынское море, доставить къ Громобою семь дѣвушекъ-красавицъ, изъ которыхъ одна полю-

билась Всеславу, и воевода хочетъ на оной женить сына и обвѣнчать во вновь освященной церкви, и при этомъ описалъ всѣ тѣ подробности, которыя велѣлъ передать Громобой женѣ.

Сборы были не долги, но въ тотъ же день разнеслась по городу вѣсть о томъ, что красавца Всеслава будутъ вѣнчать на неописанной морской красавицѣ.

Шумъ пошелъ такой, что чуть на вѣчѣ не ударили въ колоколъ. Молодежь вся въ одинъ голосъ заговорила о томъ, что молъ надобно посмотрѣть на красавицъ, какихъ въ Новгородѣ не найдешь, потому что ихъ не одна, а семь... Словомъ, вскружились у холостой молодежи удалыя головы.

Новгородская знатная молодежь приходитъ къ Натальѣ Буслаевнѣ.

— Матушка ты наша, Наталья Буслаевна, не погнѣвайся на насъ, а порѣши ты нашу заботушку.

— Извольте, извольте, добрые витязи, — говоритъ жена Громобоя.—Говорите, что вамъ нужно?

— Позволь съ тобой ѣхать посмотрѣть на Всеслава; давно не видали, а слухомъ земля полнится, что вы, родители, хотите поженить Всеслава?

— Да, это правда.

— То-то, да кстати невѣсту посмотрѣть.

— Да тамъ невѣстъ и вамъ достанется, — смѣялась жена Громобоя.

— То-то и есть; можетъ, какая и полюбится, — шутили, посмѣиваясь, дѣти посадниковъ, почесывая затылки.

— Поѣдемте, поѣдемте,—повторила жена воеводы.

Вотъ обозъ уже тянулся сзади колымаги Натальи Буслаевны, ѣхавшей не очень шибко, какъ впереди ея въ видѣ авангарда ѣхало шестеро красивыхъ молодыхъ всадниковъ, которые шутили, пересыпая изъ пустого въ порожнее.

Долго ли, коротко ли, только скоро достигли обители отшельниковъ. Натальѣ очень понравилась мѣстность и вмѣстѣ съ тѣмъ самая обитель этого тихаго пріюта.

— Ну, гдѣ же твоя невѣста?—спросила мать, желая посмотрѣть на дѣвушку.

— Да вотъ въ этой свѣтлицѣ всѣ онѣ, матушка,—сказалъ Всеславъ, указывая на дверь.

Лишь только къ дѣвушкамъ вошла мать Всеслава, какъ онѣ стали обниматься поочередно, радуясь, что онѣ встрѣтили первую добрую женщину, такъ какъ кромѣ своей строгой колдуньи онѣ никого не видали. Но когда она стала разглядывать красавицъ, то ее изумила ослѣпительная красота всѣхъ семерыхъ. Красота неподдѣльная, такъ что трудно было отдать одной предъ другой преимущество.

— Право, всѣ онѣ такъ хороши, что я не знаю, которой отдать преимущество. А которая изъ нихъ твоя невѣста?

— Ее Людмилой кличутъ,—сказалъ Всеславъ.

И чрезъ часъ священникъ обручилъ Всеслава и Людмилу. А утромъ другого дня было положено молодыхъ вѣнчать.

— Такъ какъ же, братцы, давайте и мы повѣнчаемся, коли такъ! Посмотри-ка, дѣвушки какія красавицы, правда, что морскія, въ Новгородѣ, умрешь, не найдешь. Ты, Любоміръ, хочешь, что ль, жениться?

— Да ничего бы, а ты, Мірославъ?

— Заодно, братцы.

Молодежь приступила къ Громобою: позволь повѣнчаться: ты имъ отецъ.

— Я на себя грѣха не принимаю, а вы неловко дѣлаете, если только безъ родительскаго благословенія хотите жениться.

Но оказалось, что они, исключая двоихъ, всѣ сироты, только двое имѣютъ родителей, и что послѣдніе получили благословеніе на бракъ въ надеждѣ, что Громобой не поведетъ молодежь на худо.

Всѣ семеро повѣнчались въ одинъ день, и въ тотъ же день уѣхали въ Новгородъ, напутствуемые благословеніями пустынниковъ.

Всѣ были веселы, счастливы; пустынники также благословляли ихъ за дары, которыми такъ щедро одѣлилъ ихъ Громобой.

— Богъ благословитъ тебя, мужъ благочестія; не забывай насъ и обитель, тобою построенную: намъ ужъ не долго обитать въ этой пустынѣ.

Громобой обѣщалъ и, какъ всегда, просилъ ихъ молитвъ о счастіи семейства и благоденствія Новгорода. Всѣ пріѣхали въ Новгородъ.

Шумный говоръ пронесся по всей веси Новгородской о пріѣздѣ семи паръ новобрачныхъ. Всѣ

спѣшили смотрѣть на нихъ по какому-то странному любопытству. Дѣвушки бѣжали смотрѣть на вкусъ, убранство и на богатство наряда; женщины, какъ хорошія цѣнительницы, взвѣшивали достоинство, разумѣется, по наружнымъ признакамъ жениха и невѣсты, опредѣляя, кто кого стоитъ; нѣкоторыя изъ женщинъ и дѣвушекъ ходили смотрѣть на новобрачную молодежь изъ гордости, чтобы сличить свою красоту съ красотою другихъ и найти въ другихъ недостатокъ. Но сколько ни смотрѣли, какъ ни судили, но къ великой досадѣ онѣ не могли опорочить красоту ни одной изъ красавицъ.

Тогда приступили къ оцѣнкѣ рода и племени, но это было скрыто ото всѣхъ.

Пиры пошли ходуномъ по всему городу, и свадебныя пирушки длились цѣлую недѣлю. Много вина крѣпкаго, меду шипучаго, пива лилось и попилось въ Новгородѣ. Холостая молодежь кусала губы съ досады, глядя на красоту молодыхъ, а особенно на супругу Всеслава, Людмилу, и говорили между собою:

— Эхъ, братцы!.. Ужъ не катнуть ли намъ также на Хвалынское море за морскими красавицами?

Можетъ быть, съ того времени и пошла гулять да погуливать новгородская вольница по матушкѣ Волгѣ на ладьяхъ и шкунахъ.

Черезъ годъ молодыя морянки подарили своимъ мужьямъ по сыночку.

Прошло нѣсколько лѣтъ. И двѣнадцать пустын-

никовъ перешли въ вѣчность, но обитель не осиротѣла и двѣнадцать келій были наполнены новыми иноками, а храмъ такъ же, какъ прежде, былъ наполненъ хвалебными пѣснями.

Всеславъ служилъ, Громобой старѣлся, внуки подростали. Наталья Буслаевна первая сошла въ могилу, и бренные останки ея свезли въ устроенную ими обитель.

Громобою, лишившемуся подруги, было очень грустно. Съ каждымъ днемъ онъ становился задумчивѣе и, наконецъ, рѣшился проститься съ міромъ и затвориться въ своей обители. Ничто его болѣе не удерживало въ жизни.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ доска на одной изъ внутреннихъ стѣнъ вѣщала:

Здѣсь покоится прахъ
Новгородскаго богатыря
Воеводы Громобоя, въ иночествѣ
Георгія, лѣта... Житія
Его было 73 года...

КОНЕЦЪ.

15—

